

Сборник прозы
«Сокровенные мысли»
Выпуск 3

Независимое Издательство

Аннотация

«Как только в вашем сознании возникает одна мысль сомнения, земля становится преградой для вас. Как только в вашем сознании возникает одна гневная мысль, огонь начинает обжигать вас. Как только в вашем сознании возникает одна радостная мысль, ветер начинает дуть на вас..» (С)

Мысли - это неотъемлемая часть нашей жизни, мысль руководит нашим сознанием. В сборнике «Сокровенные мысли» мы собрали авторов, прозы которых заставят каждого из Вас глубоко окунуться в мир непостижимого, которым мы окружены.

ISBN-13: 978-1986776035

ISBN-10: 1986776034

УДК: 1751

СОДЕРЖАНИЕ

Казаков Евгений.....	4
Яценко Екатерина.....	12
Итачичулечка ака Оура.....	19
Ирина Кузнецова.....	21
Мальцева Ирина.....	29
Лариса Дзугутова.....	38
Саидов Эльдар.....	40
Афоризмы. Валентин Дмитриев 2.....	92
Контактная информация авторов.....	102

Казаков Евгений

Надуманные страхи

Третью моей жизни я чего-то боялся, даже не боялся, а прожил в страхе. Да, в страхе социальной жизни. Я боялся, что у меня обязательно что-то не получится. Я не смогу нормально обучиться профессии, не смогу найти себя в предоставленной мне жизни. Я боялся новых обстоятельств, я боялся, что не смогу воспитать детей, которые когда-то у меня появятся.

После, когда я устроился на работу я начал бояться, что по какой-то причине меня возьмут и уволят и я останусь без средств к существованию. Я напрягал все силы, чтобы не потерять того малого достигнутого, совсем не замечая, что этими моими страхами пользуются другие. Этот страх управлял мной. В холодном поту я просыпался ночью и дико смотрел на будильник, боясь, что проспал на работу. Я стал дико ненавидеть свой телефон, который звонил не переставая. И от его мелодии кошки грызли мне душу. Этот страх сковывал меня, лишал способности мыслить и анализировать ситуацию. Я стал запрограммированным роботом, который работал по заведомо заложенным функциям – подъем на работу, работа до седьмого пота, пока не зайдет солнце и ночь для сна. Даже малые минуты собственного досуга превращались в кошмары ожидания звонка с работы, где обязательно найдут причину, по которой моё присутствие и всех остальных сотрудников просто необходимы, и не дай бог, ты откажешься или будешь в нетрезвом состоянии. Зачастую в порыве злости не владея собой, я разбивал телефон, топил его в воде, считая злом. Я не жил жизнью и часто завидовал людям, которые просто счастливо улыбались, прогуливаясь мне навстречу. Это сейчас я понимаю, что жил неправильно и что вообще не жил, а существовал.

И сколько людей окружающие меня живут этими обманчивыми стереотипами. Боятся оторваться от этого держащего социума, который топит его сознание в рутине бытия и указывает, что человек что-то должен.

Давайте проанализируем, с чего это начинается, и как мы сами окутываем себя этими сетями. В любой работе всё начинается с улыбок, где всё просто пока «надо». «Надо» плавно перетекает в «должен» и после показанного вами усердия всё это превращается в «обязан» и плевать им, что ты даже и не должен это делать. Ты сам виноват в том, что произошло с тобой. Как ты принял это, так с этим и будешь жить. Я скоро понял все свои страхи и просто взял и изменил жизнь, отрубил на корню все эти стереотипы и почувствовал впервые за третью своей жизни, что есть в этом мире свобода и был самым счастливым человеком на земле с заметкой в трудовой книжке «уволен по собственному желанию». И представьте себе – мир не перевернулся вверх ногами и не отказался от меня. Ничего не рухнуло, а,

наоборот, открыло мне свои объятия, в которых я не потерялся и узнал много нового хорошего интересного как в финансовом, так и духовном направлении. Просто нужно осознать своё это или нет. Бывают сложности, когда имеется безвыходная ситуация, но пока ты жив, такие проблемы имеют решения и если попробовать, то найти их можно. Не надо давать людям управлять тобой, прикрываясь этим социумом. Тут нет никакой политики. Человек сам по себе свободен и если что-то ограничивает эту свободу, значит тут что-то не то. Ограничение свободы, мышления подразумевает сплошное управление личностью, где ты являешься только предметом для достижения чьих-то целей. И после этого использования и выброса вас из этого социума есть большой риск оказаться в психушке.

Не бойтесь менять жизнь, иначе придёт время, когда вы поймёте, что жизнь ваша прошла, а вы ещё и не жили.

Прорвёмся!

Мне кажется, что я проходил это всё. Да, проходил, но в начале своего жизненного пути. Тогда я ещё не знал куда идти, куда направить свои жизненные силы и этот период немного затянулся. Но многие не поняли меня, не поддержали. И смотря на мои терзания, отодвинулись от меня, отвернулись. Но многие не то что отвернулись, но ещё посмотрели с безразличностью, плюнули в душу, махнули рукой и сказали, что я безнадёжен, совсем не стесняюсь, что я смотрю им прямо в глаза.

Прошло время, я определился, я стал тем, кем являюсь сейчас, но осадок остался на всю оставшуюся жизнь. Где-то на просторах интернета один человек описывал про такой случай и сравнивал эту ситуацию с воткнутой в тело ножом. Нож вынули, рана зажила, но рубцы остались. Так и я изрубцованный иду по этой жизни. Вроде всё гладко, но проведёшь рукой, а под ней шершаво от заживших ран.

Мне кажется, что я проходил всё это, проходил. И вот снова чувствую себя в таком положении, но только более зрелый, более умный и снова наблюдаю эти безразличные взгляды, которые делают попытку отвернуться от меня и снова плюнуть в душу.

Обломайтесь и уходите тихо. Я знаю, что делаю и знаю, что жду от себя. Мне с вами просто не по пути. Ведь на данный момент у меня есть люди, которые положат руку мне на плечо и скажут «Мы с тобой. Прорвёмся!».

Холодный разум

Сижу, значит, и накручиваю себя на ровном месте. Ещё ничего не произошло, да и не произойдёт, а я сижу и переживаю. Вдруг что-то пойдёт не так, вдруг что-то не получится, а смогу ли, а может не надо... Понимаю, что это похоже на бред психический больного, мнительного человека, но ничего поделать с собой не могу.

Зачастую все мы прокручиваем возможные варианты сделанных нами поступков, без разницы плохие они или хорошие. При плохих переживаем, ожидая кошмарных последствий. При хороших чувствуем себя героем и ожидаем благодарности. Но все эти ожидания на девяносто процентов не сбываются, и остаётся дурной осадок зря потраченных нервов.

Полезно иногда иметь холодный разум и принимать жизнь такую, какая она есть на самом деле, а не жить вымышленными не случившимися эпизодами переживаний.

Мечты

Мечты, мечты, мечты... Где же ваши сладости? Где?

Кто о чём мечтает? Зачем лукавить, никто не мечтает о плохом. Все мечты сводятся к лучшей жизни, о большом количестве денег, безбедной жизни, шикарной машине, красочном дворце, головокружительной карьере. Не кажется вам, что это потребительские мечтания. Порой доходит до смешного, что всё это берётся от сравнения своей жизни с другими людьми. Возникает вопрос – почему у меня нет того, что есть у других и чем я хуже? Нытьё какое-то.

И что скрывать. Я даже уверен, что у каждого из нас был такой момент и эти мысли посетили нас хоть один раз в жизни.

Почему людям недостаточно простого человеческого счастья, простой человеческой жизни – семья – муж, жена, дети; крыша над головой, работа. Так нет, достигнув малого, начинаешь желать большего, достигнув большего, душа требует огромного. Хорошо если всё это заканчивается хорошо, но бывает, что люди в погоне за мечтой зачастую остаются ни с чем и только потом понимают, что то достигнутое ранее, и было счастьем, мечтой, а они это и не заметили...

Жил на севере паренёк. Семья была бедная и не могла позволить себе много, можно даже сказать ничего не могла себе позволить. Паренёк любил фрукты, особенно виноград и дал себе зарок, что вырастит и купит себе много винограда и съест его. Так обозначилась наивная детская мечта. Он вырос. Начал неплохо зарабатывать, но с мечтой так и не расстался. В один прекрасный день он купил много, много винограда и съел его за один раз, исполнив свою заветную мечту. Как вы думаете, почувствовал он облегчение или нет?

Почувствовал и ещё какое! То ли виноград имел слабительное свойство, то ли он его плохо помыл и наш герой-мечтатель всю ночь провёл в туалете, сказать по русски – просто обоссался. Вот вам итог исполнения мечтаний. Так и вам я хочу донести – не повторяйте ошибок нашего горе-мечтателя, выбирайте мечту по плечам, иначе исход ваших мечтаний будет аналогичным.

Сёстры

В один из дней к моему знакомому в гости приехало большое количество родственников со всех концов нашей обширной родины. Так получилось я оказался свидетелем этого нашествия и заметил, что от общего круга прибывших выделялась парочка пожилых женщин, которые всегда находились вместе, вдвоём. Они вместе плакали, вместе смеялись, вдвоём ругались, а потом уже обнимались. Они всегда были вместе, как не разлей вода. Они говорили, говорили, говорили друг с другом и не могли наговориться ни днём, ни ночью. И никто им не мешал, старались оставить их вдвоём как будто, так и надо. Я поинтересовался у своего знакомого: «В чём дело?». И узнал...

Обычная многодетная советская семья – отец, мать и пятеро детей, два мальчика и три девочки. Две последние девочки были погодки и у них отношения не заладились с самого детства. Вроде всё обычно, как в любой семье – ругались за игрушки, не хотели носить вещи старшего, которые, как обычно, переходили от одного ребёнка к другому. Отказывались идти вместе в садик, школу. Никогда не находились в одном кругу знакомых. Как в общественной жизни, так и в быту ругались, кто будет убираться дома, мыть посуду, готовить еду. Родители замечали напряжённость в их отношениях, но не придавали этому большого значения, вырастут – разберутся. Они подросли, окончили школу и влюбились в одного парня, что полностью превратило двух сестёр во врагов. После этого они разъехались в разные города, где поступили в институт и забыли о существовании друг друга. Ненависть охватила сердца сестёр и они поклялись себе никогда не общаться и забыть о существовании такого родственника. Шли годы, они вышли замуж, родились дети. За это время они никогда не вспоминали друг друга. В то же время не прекращали отношения с остальными членами семьи. Вся семья собиралась, как и другие семьи по большим праздникам и несчастьям. Но даже в такие дни они никогда друг с другом не встречались и старались приехать ранее или позже, объясняя это разными причинами. Шло время, они постарели, родители умерли, никто так и не постарался их примирить и лезть в отношения. Ненависть затупилась, исчезла. И вот в сегодняшний день, так получилось, сёстры одновременно приехали в гости к моему знакомому.

Увидели друг друга, обнялись, начали плакать, рыдать, проклиная свою ненависть и глупость.

Оглянитесь вокруг себя. Неужели надо так много времени, чтобы понять, что родство не выбирают. Оно уже даровано тебе Богом. От него никуда не деться, не спрятаться. И пусть всегда есть проблемы, куда от них убежишь, но взять и выкинуть часть своей родственной души из жизни по таким причинам просто кощунство. Но лучше понять и осознать это поздно, как в этом случае, чем никогда.

У разбитого корыта

Сказка Пушкина, точнее эпизод из сказки великого русского классика. Но сказка ли это? Нет не сказка, а реальность, в которую попадает практический каждый современный обыватель.

Сидишь ты и смотришь на это разбитое корыто и понять не можешь, как снова оказался у этого корыта. Недоумеваешь, задаёшь себе странные вопросы, на которые найти ответ совсем не удаётся.

Начинаешь предпринимать неуверенные шаги по исправлению этого корыта, надеешься на что-то. Берёшь молоток, начинаешь сбивать корыто, склеивать швы. Яркими красками разукрашиваешь его и появляется надежда, что нужно только немного подождать и всё вернётся. Но откуда-то властная рука дотягивается до твоего корыта и вдребезги разбивает его снова. Но и этого ему мало, он берёт тебя за загривок и тыкает тебя лицом в грязную лужу, в ужасное месиво и ты сидишь и обтекаешь этой грязью и голос говорит, что вот так намного лучше и правдоподобнее, иначе нечего сидеть у разбитого корыта с чистой мордой.

Проходит немного времени, и ты начинаешь думать, вспоминать сколько раз в жизни ты уже просидел над этим разбитым инвентарём.

Начало жизни не у каждого имеет представление разбитости, оно имеет определённые надежды на светлое будущее. Пусть оно и имеет форму разбитого деревянного корыта, но потом постепенно, потихоньку превращается в алюминиевый тазик, далее в медный таз. И этот таз сначала наполняется песком, потом водой, далее в этом тазике появляется какая-то крупа, ягоды и карамельки, а после уже фрукты и шоколад – жизнь сделана... Ура!

Но после, с высоты птичьего полёта это всё рушится вниз и вдребезги рассыпается, опять превращаясь в долбанное деревянное корыто.

Да согласен. Бывают моменты, когда это деревянное корыто появляется перед тобой по причине собственных ошибок, каких-то неудач. И таких моментов в жизни много. Но бывает, что ты осознанно доводишь себя до этого состояния, только по совсем другой причине, чтобы начать жизнь заново и тебе от этого не обидно, совсем необидно...

Обтекая грязью, я смотрю на это корыто и думаю, что в жизни очень много хороших людей, очень много, но почему мне постоянно по этой жизни, особенно в последнее время попадает только одно г... Я ничего не хочу сказать плохого, нет. Эти люди улыбаются, хорошо общаются с тобой, тебе даже приятно с ними и рука тянется к фотоаппарату, чтобы запечатлеть счастливые минуты в жизни, запечатлеть эти улыбки. И о ужас, ты смотришь на эти фотографии улыбающихся людей и тебя охватывает паника. Вместо приятных улыбок на этих лицах запечатлён звериный оскал, где явно выделяются клыки, направленные в твою сторону, изо рта течёт слюна и ты понимаешь, что эти приятные люди жрут тебя, они уже использовали тебя, прожевали и осталось только выплюнуть. Ты не веришь в это, надеешься что это просто дефект аппаратуры. В истерике пытаешься улыбнуться и фотографируешь себя сам и, в конце концов, видишь кадр самого себя, где ты сидишь с грязным улыбающимся лицом у разбитого корыта. Это какая-то странная игра, но игра в одни ворота, когда ты вратарь, а они бьют мяч в твою сторону. Мяч со свистом летит в твою сторону и хлестко бьёт тебя по лицу, но ты счастлив, ты в игре. Они же не останавливаются и продолжают бить в твою сторону. Мяч всегда попадает в тебя, в твоё лицо, туловище, ноги, руки и с каждым ударом тебе больнее и больнее. Ты просишь их остановиться, но они тебя не слышат, да и не хотят слушать и продолжают бить. Ты плачешь от боли, рыдаешь, падаешь. От бессилия уже не можешь рыдать и только стонешь. Но они упорно продолжают свою игру и останавливаются только тогда, когда ты уже не подаёшь признаки жизни, разворачиваются и уходят.

Тебе становится страшно от вида этого разбитого корыта, и ты хочешь убежать от него, но ноги не слушаются. Ты когтями цепляешься за грязную землю и начинаешь отползать от него, сначала потихоньку, потом быстрее и быстрее. Робко пытаешься встать, ноги тебя не слушаются, хочешь идти прямо, но тебя постоянно ведёт то в левую, то в правую сторону, как пьяного. Наконец-то ты начинаешь бежать, оглядываясь постоянно назад. И вот ты бежишь. И перед тобой чистое поле. И в этом поле стоит одно, единственное сухое старое дерево. А ты бежишь и бежишь. Хочешь обогнуть это дерево, но не получается и со всей скорости лбом ударяешься в это дурацкое дерево и тебя отбрасывает. Ты снова встаёшь и начинаешь бежать и снова бьёшься своим лбом об это единственное дерево в поле и так до изнеможения, пока не расшибёшься и не закончатся звёзды в твоей пустой голове.

И вот так всегда, в поле много тропинок, которые можно выбрать, но тебя упорно несёт на это сухое дерево. Ты знаешь, что расшибёшь лоб, но тебя это не останавливает. Не знаю, это можно назвать самоуверенностью, наглостью, упорством, но более подходящее объяснение этому поступку можно назвать только глупостью и дуростью.

И ты опять лежишь у разбитого корыта. Ты опустошён. Ты полностью выжат. Нет ни мыслей, ни дум.

И ты долго лежишь пустой, долго. И только потом к тебе приходит мысль как маленький лучик света. Ты начинаешь понимать, осознавать себя, что все эти взлёты и падения делал не ты, совсем не ты, а только подобие тебя. Эта жизнь правила тобой, тобой - неуравновешенным, нерешительным комком. Ты принял этот дар жизни, но не смог его понять и применить, и потому тебя всегда несёт на это единственное в поле дерево, в тебя пинают этот несносный мяч, и ты всегда смотришь на это разбитое у твоих ног корыто. Ты постигаешь урок всей своей жизни. И ты понимаешь, что всё, что с тобой происходило, наконец-то донесло до тебя весь смысл твоего настоящего существования, которое ты отказывался принимать.

И вот, ты, не колеблясь, встаёшь, отряхиваешь грязь с лица и наконец-то делаешь первый решительный шаг прочь от разбитого корыта с полной уверенностью, что к нему уже не вернёшься.

Плохих не бывает

Меня удивляет вопрос людей, которые спрашивают: «А какие люди в вашем краю - хорошие или плохие?».

Ответ только один: «Конечно, хорошие. Плохих людей не бывает, есть люди, к которым трудно привыкнуть».

Отрицание искусства как искусства

И были они вместе... Стоп. Что значит были? Ведь они есть. Но как они есть, когда они не вместе сейчас. Да и были не есть «есть», ибо были это «были», а не «есть», что настоящее. Но и называть «были», так как они есть, а не исчезли, но и «есть», нельзя сказать про «были», когда сейчас это не «есть»...

Вы что-нибудь поняли, про что это? Нет?

Прочитайте ещё раз.

Прочитали? Поняли ли?

Нет! Правильно и не поймёте, так как понимать там нечего.

Там написано как бы с умным видом для показухи глубокого смысла, но смысла глубокого там нет.

Вот и я понимаю это, когда смотрю на живопись в стиле хэппенинг, формализм, кубизм, минимализм. Вся моя сущность отрицает этот вид искусства, и нет желания делать умный вид, якобы понимая весь художественный смысл задумки мастера, качать головой и смачно чмокать восхищаясь шедевром.

И тут мне вспоминается случай, произошедший в школе, когда учитель начальных классов дал домашнее задания ученикам – нарисовать рисунки, придав им высокий художественный смысл. Одна маленькая девочка долго не думала, просто посмотрела в интернете несколько стилей живописи, набросала несколько рисунков в стиле формализма, кубизма, минимализма и отдала на проверку педагогу.

Через два дня учитель поставил девочке двойку, при этом объяснив, что девочка просто поиздевалась над заданием учителя и просто поводила красками по чистому альбомному листу. Но девочка не отступала и сказала, что по её источникам, из интернета, это высокий стиль художественных произведений. Последствием данного высказывания был звонок учителя родителям девочки с беспокойством предлагая обратиться к детскому психологу.

А теперь подумаем, почему чистая детская аура, которая воспринимает всё живо и признаёт всё естественно, оказалась в такой опале, и притом показала то высокое, как кажется, художественное открытие взрослых.

Я думаю, что всё тут ясно. Легко перевернуть мир с ног на голову и утверждать, что вот это и есть правда, вот это и есть правильно. И все верят, все ахают, все поклоняются.

Я же могу выразить им своё уважение только в одном, что они шли напролом, не останавливаясь, с чётко поставленной целью, которой они добились. То, что они придумали, имеет название, имеет последователей и их дело живёт.

Ладно бы только это... Люди не останавливаются и придумывают новые, более изощрённые виды искусства – уже существует большое количество художников, использующих в картинах жидкости организма, используют собственную кровь, мочу, используют большое количество крови животных. Рисуют всеми частями тела – пальцами, грудью, ягодицами, языком и другими двигающимися внешними органами. И все они причисляют себя к высокохудожественному, глубокомысленному искусству, требуют к себе внимания и почитания; и ставят себя в один ряд с мировыми художественными мастерами, как Леонардо да Винчи, Тициан, Рафаэль Санти, Ян Вермеер, Жак-Луи Давид, Илья Репин, Василий Суриков, Виктор Васнецов и их шедеврами.

И опять вспоминаю случай с девочкой, эпизод про психолога, который нужен совсем не девочке, а тем, от кого она этому научилась...

И были они... И будут ли они... Решать нам.

А если не нам, то нашим потомкам. И выбор будет правильный.

Яценко Екатерина

Вечер в горах

За окном стоял душный весенний день казавшегося когда-то таким недостижимым 2100 года. Сложно сказать, как давно мир погрузился в хромированный хаос, а искусственный интеллект стал таким же обыденным, как чашка кофе за завтраком. Говорят, раньше жизнь была проще, несмотря на все те проблемы, которые сейчас с легкостью решают машины, в прошлом был свой неподвластный шарм, притягивающий своей эмоциональной открытостью.

Меня всегда тянуло к образу мысли прошлых лет. Сейчас уже сложно сказать, какая неведомая сила заставляла принимать людей те или иные решения, но череда их привело нас к тому образу жизни, который сложился в нашем обществе.

Больше всего меня интригует изобразительное искусство прошлого, которое сейчас презирается.

Уже много дней из моей головы не идет один образ, увиденный мной в горах. Не веря своим глазам, я не мог оторвать взгляд от прекрасной картины заката. Солнце, излучая кроваво-красные цвета, падало куда-то за горизонт и пределы моего понимания.

У современных людей нет времени на наслаждение красотами окружающей среды, мало кто может вырваться за пределы загазованного мегаполиса. Шанс увидеть прощание солнца с миром, данный мне в момент того заката, я воспринял как величайший дар, данный мне, по меньшей мере, за тем, чтобы я мог рассказать об этом людям.

Слов для описания вечерней картины я не смог бы найти, будь в моей голове хоть всемирная библиотека со словарями всех стран и народов прошлого и будущего.

И тогда я понял – нужно рисовать. Красками на холсте, как делали когда-то, опираясь на эмоции и чувства, а не на присущее нашему обществу геометрическое отрицание.

Я не был до конца уверен, что замысел моей картины будет верно интерпретирован общественностью, но как только кисть с краской впервые коснулась холста, во мне появилась энергия тысячи солнц, дающая уверенность в начинаниях.

Через призму эмоционального восприятия были пропущены горы, солнечные лучи, испещряющие низкую траву, овраги и балки, протянувшиеся по всей долине. Мои воспоминания падали такими яркими красками на холст, что казалось, он сейчас загорится.

Когда сюжет вечернего часа близился к финалу, когда многие знакомые захотели увидеть плоды моего труда, за которым я пропадал днями напролет.

Реакция на неоконченный шедевр была для меня неожиданной. Все друзья осуждали картину, называя ее излишне эмоциональной, не забывая упоминать о том, что подобные течения искусства давно забыты и сейчас не признаются.

Сколько мне пришлось выслушать о презрении и отрицании традиционной живописи. Конечно, сейчас в почете авторская интерпретация действительности. В обществе укоренились идеи создания своей субъективной модели мира, полной свободы выражения мыслей, раскрепощения.

Я не видел в современных картинах ничего, что принято причислять к искусству. После детального изучения живописи далекого прошлого, восхищаться интеллектуальным символизмом было невыносимо. Общество, которое изображало цветы четырьмя линиями, а лица стереометрическими фигурами, считало меня странным за стремление видеть прекрасное в повседневных объектах.

Новое, четвертое измерение в искусстве привело к освобождению от формы. Положительные рецензии получали наиболее сюрреалистичные и странные, на мой взгляд, картины. Людей не интересовала душа, только полуабстрактные композиции, в потаённый смысл которых никто не хотел вдумываться.

Я столкнулся с непробиваемой стеной человеческого отвержения за то, что хотел показать мир таким, каким он был на самом деле. Я боролся с устоявшимися традициями, пытался донести до людей, что форма выражения мыслей не может быть важнее того, что автор пытается сказать своим произведением.

Я был услышан. Общество признало моё творение аморальным и подало на меня в суд за пропаганду искусства, идущего в разрез с моральными устоями современного мира.

Те, кто пользуется всеми благами цивилизации, вернулись в сознание первобытных людей и требовали от меня уничтожения картины. В тот момент, когда машины летали по воздуху, а человек избавился от всяких рамок, он придумал себе новые, чтобы жить по нелепым законам, отрицающим действительность.

Я проводил в раздумьях долгие вечера до заседания «Общество против неподобающего искусства», пытался понять, как развитое общество оказалось в таком логическом тупике. Посмотрев на свою работу, я вдруг осознал, что ответ все это время был прямо за окном. Серый пейзаж мало напоминал жизнерадостную картину заката. Люди уже давно не видели солнца из-за непроглядного смога, нависшего полотном над городом. Бывали

месяцы, когда туман окутывал улицы, а вместо белоснежных облаков над улицами провисали смрадные тучи, скопившиеся от непрекращающихся выбросов. Изображенные на картине уголки живой природы, бережно охранялись от посягательств человека, они были глотком свежего воздуха в мрачной пучине технологического прогресса, когда количество ставилось в приоритет качеству.

Люди не боялись инакомыслия в искусстве. Им было страшно взглянуть правде в глаза: это они загубили солнечный мир с полотна. Поэтому возникало так много новомодных течений в искусстве. У произведений отсутствовала душа, потому что, обнажи ее автор, она оказалась бы такой же смрадной, как мир вокруг...

Я в последний раз взглянул на живописный уголок планеты, где однажды увидел чарующий закат, и поднес горящую свечу к уголку полотна.

Случай в сельской редакции

Наступил тот самый день летнего месяца, когда очередной выпуск газеты "Сельский вестник" проходил последние проверки перед отправкой в печать. Молодой редактор Стёпушкин, приехавший из города несколькими днями ранее, взялся лично контролировать создание варианта печатного издания, которое дойдет до читающей части населения.

"Будем нести просвещение в народ!" - с такими словами некогда городской работник печати перешагнул порог сельской редакции. - Планирую задержаться у вас на месяц в качестве главного редактора, дабы поделиться опытом." - громко произнес он, показывая всем заинтересовавшимся командировочное письмо.

Летние месяцы не отличались обилием новостей, про урожайность и засуху уже было написано, поэтому в свежем выпуске планировалось поместить все ранее неиспользованные статьи.

За день до отправки газеты в печать, Стёпушкин распустил всю команду домой пораньше, заверив их, что самостоятельно справится с составлением окончательного варианта "Сельского вестника". Он хотел сотворить идеальный выпуск, который был бы интересен и деревенскому простаку, и городскому пижону. Молодой редактор с горящими глазами преследовал одну цель - вызвать восторг у сельских коллег.

"Вот тогда меня зауважают! Да я им весь формат газеты изменю так, что за ней из города приезжать будут!"

Вечером, когда солнце перестало выжигать землю своими палящими лучами, ограничиваясь неимоверным жаром, посылаемым, казалось, только в

маленькое село, Стёпушкин остался один в душном кабинете редакции. План, сложенный у него в голове с момента приезда, был предельно прост: просмотреть выпуск, всё переделать, переверстать и отправить с утра на печать.

Он открыл сырой вариант газеты. На первой странице красовались фотографии вишнёвого сада и человека, раскрывавшего секрет высокой урожайности данной ягоды. К чему на первой полосе такая информация? Сразу чувствуется непрофессиональная рука. С первого разворота читатель должен быть заинтригован, чтобы дальнейший просмотр газеты вызывал интерес. Кого может заинтриговать вишня? Стёпушкин взял свой кожаный портфель и запустил в него руку. Недолго роясь в бумагах, казавшимися бесчисленными, он извлёк то, что искал. Это была напечатанная совсем недавно статья, повествующая об общегородском субботнике. Пусть местные жители знают, что горожане тоже заботятся об окружающей среде.

Стёпушкину настолько приглянулась собственная идея, что лицо его приобрело томатный оттенок. Он не любил льстить себе, но похвалу за данное редакторское решение счёл уместной.

Работа пойдёт быстрее, ежели немного себя подбодрить. В конце рабочего дня каждому сотруднику печати полагается рюмка коньяка, тем более такому исполнительному и трудолюбивому. Стёпушкин подозревал, что в одном из шкафчиков скрывается бутылка горячительной жидкости. После непродолжительных поисков его старания были вознаграждены стеклянным сосудом с помутневшей водой. "Скорее всего, самогон" - подумал расстроенный редактор, не переносящий крепкий алкоголь, но от своей затеи не отказался.

"Выпуск закончим за час!" - с этими словами Стёпушкин опрокинул в себя половину стакана странной жидкости. Содержимое таинственной бутылки немедленно обожгло ему горло, ударив молотом в голову. Теперь можно и к работе вернуться. На следующем развороте размещались две статьи о заболеваниях крупного рогатого скота, вызывающих желудочное расстройство. Как можно о таком писать? А если читатель решит отобедать за просмотром любимой газеты? С такими статьями в "Сельский вестник" только рыбу заворачивать. Газета должна быть приятной глазу, вдохновлять и отрывать от реальности. А коров пускай местные жители с соседями обсуждают, нечего страницы этим марать. Поместим сюда заметки про новый магазин, клюкву и несколько абзацев о здоровье. Мы заботимся о наших читателях, а не шокируем их.

Следующие статьи повеселевший Стёпушкин правил, не вчитываясь в текст. Желание творить, смешавшись в нем с тремя стаканами местного самогона, требовало работать усерднее, отмечая весь материал, который печатали его сельские коллеги. Газетные страницы предвещали окончание выпуска, а Стёпушкин продолжал нещадно изменять "Сельский вестник", не замечая времени суток и стоящего в редакции жара.

Внимание его заострилось на юмористической рубрике на последней странице. Бегло прочитав историю о некой Аннушке, упавшей в стог сена при выгуле коров на поле, Стёпушкину стало грустно. И это здесь выдают за юмор? А как же ирония ситуации, мораль? Это абсолютно никуда не годится!

"Лучше напишем, как мы с редактором небезызвестного "Здорового дня" ходили на ужин в ресторан, где он умудрился уронить портмоне в солянку. А что было дальше..." - Стёпушкин предался приятным воспоминаниям о былых днях, выпивая очередной стакан горячительной жидкости, которая уже не вызывала у него отвращения. - Нет, такое в газете писать нельзя, там нецензурные выражения есть. Без них ирония ситуации пропадает. А ладно, - плюнул редактор, - оставим историю про Аннушку."

За окном сгущались по-летнему тёплые сумерки, когда Стёпушкин перед выходом из редакции решил в последний раз взглянуть на созданный им выпуск "Сельского вестника". После прочтения первой строчки, опьянённый мозг городского журналиста отказался воспринимать какую-либо информацию и потянул Стёпушкина в сон прямо на страницах газеты.

Лучи утреннего солнца проникли в кабинет редакции, когда Стёпушкин, мучаясь от неимоверной жажды, открыл глаза. Стрелки на наручных часах показывали 6 утра. Редактора настигла паника (и головная боль): "Газета еще не готова к печати, а ее уже скоро отправлять!"

Стёпушкин начал судорожно вчитываться в составленные вчера тексты. Что за вздор, зачем в сельской газете информация про субботник? А клюква здесь причем, сейчас даже не сезон?! Все статьи необходимо заменить, причем срочно, иначе засмеют. Он хватал первые попавшиеся под руку статьи, порой даже не успевая их дочитать. Стараясь размещать материал про вишню и коровьи инфекции по смыслу и значимости, Стёпушкин не замечал неумолимого бега часовых стрелок, предвещающих скорое появление в редакции всех работников.

"Он же ничего не изменил!" - прошипела светловолосая девушка, держа в руках свежий выпуск "Сельского вестника" - Зачем он вообще приехал?

- Подожди ты, - заметил ее усатый коллега, - может, ему все настолько понравилось, что он решил ничего не менять?

- Вижу я, как ему все понравилось. - ухмыльнулся морщинистый журналист в шляпе и указал рукой на опустевшую бутылку самогона. - Напился он и забыл про нашу газету. Хорошо хоть на печать вовремя сдал.

Трое работников газеты загадочно переглянулись и разошлись по своим местам. После обеда в редакцию приехал Стёпушкин. Стыдливо перешагнув порог, он был готов к любым нападкам сельских коллег, но к его удивлению, отношение к нему никак не поменялось. Он робко подошел к столу журналиста в шляпе и спросил, все ли в порядке с выпуском газеты.

- Конечно, всё в порядке, его ведь такой профессионал своего дела составлял! - ответил он, не отрываясь от работы.

Стёпушкин, и ранее не сомневавшийся в своей профессиональной хватке, загордился собой и покинул кабинет уверенным шагом, не отвлекая сотрудников редакции от работы.

"Все-таки своё дело я знаю!" - подумал редактор, отдаляясь от одноэтажного здания по залитой солнцем дорожке.

Кремни

Выше уровня моря, в скалистой местности, покрытой лесами и разделяемой неглубоким ручьем, лежат два кремня. Скорее всего, их в том районе намного больше, но лишь эти связаны неведомой силой.

Два камня находятся далеко друг от друга, отделяемые непреодолимыми препятствиями. Но по воле судьбы (или же злого рока) они всегда находят путь друг к другу.

Все вокруг испытывают неподдельный страх к их союзу, так как стоит этим двум кремням соприкоснуться, возникает искра, перерастающая в бурное, неподвластное природе пламя.

Сначала огонь медленен и осторожен, лишь пара языков задорно щебечут о чем-то своем. Пламя медленно разгорается, занимая все большую территорию. Та пара языков огня, начавшая буйство, уже имеет десятки неотличимых от себя последователей.

Возникает действие, ужасающее своей красотой. Пламя готово поглотить в себя все, что случайно встретится ему на пути. Будь его воля, весь лес в округе бы полыхал.

Пышущий жаром, необратимый огонь настолько пугает всех, что они стараются как можно быстрее его потушить, а сами кремни забросить как можно дальше друг от друга.

Но особые камни, встречающиеся раз за разом, знают, что через месяцы или годы они снова соприкоснутся, создавая новую волну безумной феерии.

Числа Фибоначчи

Наука, подвергая критике логику человека-обывателя, породила множество числовых симфоний. Одним из величайших ее произведений являются числа Фибоначчи. Будучи элементами незатейливой последовательности, где каждое последующее число равно сумме двух предыдущих, они приоткрывают завесу над таинственным окружающим миром.

Не участвовавшие в спорах о квадратуре круга, Числа, обладающие рядом закономерных свойств, несут в себе громадное практическое применение. Сколько вещей в мире описывается незамысловатой последовательностью.

1, 1, 2, 3, 5...

Словно симфония, беззвучно исполняемая каждый день за окном самой природой. Достаточно один раз увидеть принцип исчисления, чтобы понять, как все в этом сложном мире просто. Всё существующее и окружающее поддается математическим законам, на которых держится, по меньшей мере, вся вселенная. Многие тайны мироздания давно не тайны для обладающих великим знанием.

Математика – универсальный язык. С его помощью может складываться общение не только между людьми с разных континентов, но и с существами, не поддающимися осмыслению нашим разумом. Ведь не случайно в бескрайние и непреодолимо далекие уголки космоса посылаются звуковые сигналы чисел Фибоначчи. Таким неведомым «им» от таких реальных «нас». Если инопланетный разум живет по тем же математическим принципам, они непременно расшифруют сигнал-предвестник дальнейшего общения.

...144, 233, 377, 610...

Наша природа от начала времен существует по законам, о которых многие люди еще не задумывались. Достаточно выйти на улицу, чтобы заметить, как в раковине моллюсков спряталось золотое сечение, а в сосновых шишках и чешуйках ананаса затаились числа Фибоначчи. Если знать простейшие законы устройства вселенной, жизнь становится намного проще.

Итачичулечка ака Оура

Перерождение

Вечер. Солнце ещё не успело закатиться и дарит последние лучи тепла. Открытое окно. На его подоконнике сидит молодой парень и курит, судя по пепельнице — давно. Рядом, из телефонной трубки, звучит музыка. Не громко, но ему хватает. Жизнь, вроде, только начинается, но что-то не так. В глазах, цвета янтаря, можно прочесть многое. Там скрывается печаль и усталость. Душа, как старый дом, в ней гуляет холодный ветер и пустота. А сердце... Сердце покрыто льдом, хотя где-то в его глубине ещё теплится угасающий огонек любви. Глядя вниз, из своего окна, он видит серую безликую массу, что спешит по своим домам. Им нет никакого дела до остальных. Парень вновь взглянул на исчезающее солнце, потом вниз. И задумался, а так ли плоха жизнь этих серых людей? Сигарета стала обжигать пальцы и он ее выбросил, заменив следующей. Улыбка на его лице была теплой, как и последний луч. А когда светило полностью ушло с небосвода, эту улыбку сменил оскал зверя, что не позволит больше себя втаптывать в грязь.

— Да, жизнь учит многому. И, отбирая одно, дарит взамен что-то другое. Пусть буду чем-то похож на обычных людей, но и отличаться.

К холоду физическому легче привыкнуть, чем к душевному. Все то, что он испытывал ранее, стало постепенно умирать, заменяясь чем-то иным, пока окончательно не испарилось. Остались лишь воспоминания, но и те вскоре были задвинуты в самый дальний шкаф и закрыты на огромный замок.

Так закончилась одна жизнь и началась другая. Янтарные глаза сменили печаль на болезненную радость, а усталость — на азарт. В душе изменения практически не произошли, лишь ветер перестал гулять — двери закрылись. Вот только маленькая, неясная тень, забившись в самый темный угол, надеялась, что ее не найдут до нужного срока. Придет время и она проявит себя, но пока что нужно сидеть тихо. А огонек в сердце перестал быть маленьким, превратившись в огромное ревущее пламя. Вот только оно больше не могло согреть...

Смерть приходит внезапно

Непроглядная ночь. Темнота настолько сильная, что можно к ней прикоснуться и почувствовать. По дороге идет одинокий путник. Куда? Зачем он идет? Как долго и какую цель преследует? На эти вопросы, возможно, он и сам не сможет ответить.

Луна, что сопровождала его всегда в дороге, сегодня скрылась за тяжелыми тучами. О чем думает этот путник? Может о неразделенной любви, может о тех, кто его ждет в конце этой дороги, а может о том, что оставил, начав свой нелегкий путь.

Неожиданно раздался гром, и сверкнула ужасная молния. Дождь. Возможно, он смывает тоску, и печаль из души и сердца одинокого путника, хоть и на непродолжительное время. Так и идя, человек не замечает, как начался страшный ливень с порывами ветра, что начали слегка подталкивать путника вперед. Возможно, из-за всего этого он не слышал приближающегося шума колес. Весь в себе. А водитель может и не видел, а может и не хотел видеть по обочине одиноко бредущего путника. Машина пролетела на огромной скорости, а на дороге, под проливным дождем в тиши мрачной ночи, остался лежать остывающий труп одинокого человека, что так и не окончил свой путь...

Ирина Кузнецова

Последний аутсайдер среди злодеев

(Цикл "Хроники Мира Воителей")

Маргелиус, лёжа на траве, сладко потянулся, закинул руки за голову и расслабился, наслаждаясь тёплым ясным днём. Попыхивая трубкой, он меланхолично наблюдал за маленьким дракончиком, беззаботно скачущим по его груди. Жизнь на Коралловом острове начинала ему нравиться. Драконы сначала отнеслись к нему очень настороженно и даже планировали сожрать, разнообразив своё меню незваным магом, но со временем не только смирились с присутствием опального чародея на своём острове, но и искренне привязались к нему.

Он задумался о том времени, когда драконы окончательно приняли его и его семью в свой клан. Переломный момент в отношениях мага и хозяев острова, возможно, случился, когда он построил детскую площадку и затем был Совет драконов? Точно, нет. Совет Старейшин, прошёл так гадко и унижительно, как только можно представить. Не сожрали его только потому, что боялись, что это может навредить Лютому, дракону, с которым маг слил свой разум в далёком прошлом. Маргелиус вздохнул, криво ухмыльнулся. Да, в нынешние дни его жизнь тоже не очень ценилась, даже драконами. Всё изменилось, когда любознательный и крайне любопытный юный дракончик Смышлёный, внук дракона Могучего, подбил свою впечатлительную и увлекающуюся подружку Незабудку, дочку Мрачного, сбежать с острова и отправиться на поиск приключений.

Увлекательное и чарующее приключение быстро превратилось в не столь чарующее и приятное: они быстро заблудились, да и охотиться у них не особо получилось. Путешественники второй день сидели и грустили, когда угодили в руки разбойников, которые лихо скрутили молодых дракончиков и решили продать их каким-нибудь злым магам или любителям экзотики.

Эльф Выбей-глаз смотрел на связанных дракончиков в клетке и просто сиял от самодовольства, покручивал усы, расхаживая кругами. Наконец-то удача улыбнулась ему, после стольких провалов и потерь, такой улов: целых два юных дракончика. Такая добыча, даже в виде мёртвых драконов, ценилась у всяких чёрных магов на вес золота, а тут целых два живых здоровых молодых представителя древней расы. Маги не теряли надежды повторить подвиг Маргелиуса Альгвардского по слиянию разумов с драконом. Иметь своего боевого дракона считалось высшим пилотажем и мастерством, но пока ещё никому не удалось повторить выходку безумного мага. Если не удастся приручить юных рептилоидов, то всегда можно пустить их на всякие ценные микстуры для лечения пяток и прыщей. Судьба юного поколения

драконов не слишком беспокоила эльфа. Любовь к живым существам Мира Воителей не входила в число его добродетелей.

- Пошевеливайтесь! - прикрикнул эльф на тянущих клетку на колёсиках двух здоровенных гоблинов. - Мы же не хотим, чтобы их родители заявили до того, пока мы не смоемся отсюда.

Дважды им приходилось прятаться, слышав печальные крики драконов, которые кружили в бесплодных поисках пропавших детей.

Маргелиус, узнав о пропаже дочери Мрачного и внука Могучего, одним из первых был готов ринуться на поиски, организовав спасательную экспедицию. Но драконы только скептически поглядели на искалеченного мага и гордо отказались, объявив, что это не его забота и его не касается. Они и без опального герцога, который сам представляет больше обузу на острове, чем пользу, разберутся. Маргелиус страшно скрипнул зубами и попросил Лютого всё же отнести его с острова на материк, так как Север ему родной и он знает его как свои пять пальцев, хоть и провёл в заточении тысячу лет. Это его земля и маг, как бывший Лорд Севера, ориентируется там точно лучше драконов, и может заметить то, что последние не увидят с воздуха.

Лютый высадил Маргелиуса недалеко от его разрушенного замка и развалин Альгварда. Герцог тепло простился с драконом и отпустил того продолжать поиски с его родным кланом.

Маг пробирался через чащобу уже второй день, безуспешно пытаясь напасть на след похитителей дракончиков. Он прислушивался к лесу, старался настроить свой разум на всё живое, но вековой лес молчал, то ли не слышал мысли мага, то ли не желал разговаривать вовсе с ним, помня его "прошлые подвиги". Он почувствовал присутствие в отдалении странников, крупных северных хищников, покрытых серебристой шерстью, но те не видели в лесу ничего необычного, если не считать заблудившихся туристов, которые Маргелиуса не интересовали.

Начал накрапывать противный мелкий холодный дождик со снегом, герцог поёжился, и, кляня себя последними словами за свою непомерную самонадеянность, решил сделать короткую передышку. Он, тяжело дыша, прислонился к раскидистому дереву головой, впитывая прохладу и мощь могучего дерева.

Перед мысленным взором мага внезапно возникла картинка: два перламутровых дракончика стоят под деревом и беззаботно болтают. Маргелиус от неожиданности резко дёрнулся, и видение пропало. Он выругался, значит, тут были Смышленный и Незабудка. Но куда они отправились дальше? Он вздохнул, откинул длинные ниспадающие пряди чёрных волос, посмотрел на небо, пристально вглядываясь ввысь своими янтарными рептилоидными глазами, как будто лазурная гладь могла дать ему ответ. Напасть на след похитителей драконов ему удалось только к исходу

третьего дня, когда он почти потерял надежду. Он быстро продвигался вперёд по следам, оставленным тяжёлой повозкой, хищно вглядываясь в чащу леса.

Эльф Выбей-глаз быстро двигался с подельниками на юг, жизнь представлялась ему в радужном свете. Он мысленно уже подсчитывал барыши, которые выручит за свалившееся ему на голову счастье в виде такой добычи, и как он будет кутить потом в своём любимом кабаке "Запойный медведь" в Вайсгарде. Драконы явно потеряли их след, и уже более двух дней он не видел их поблизости, не было слышно даже их печальных криков, призывающих детей. Эльф весело насвистывал, наслаждаясь погожим тёплым днём, покуривал трубку. Его сопровождали один, свирепого вида, тролль и два здоровенных гоблина, шустро катящих клетку с добычей по еле виднеющейся лесной тропинке.

Из кустов вышел бродяга, перегородил дорогу. Эльф изучающим злым взглядом оглядел оборванную одежду, здоровенную фигуру: косая сажень в плечах, руки с длинными жёлтыми когтями, длинные спутанные чёрные волосы, - и остановил свой взор на лице человека. М-да, ну и отвратная рожа. Хотя и сам эльф Выбей-глаз не красавчик (после удара по лицу топором, лишившим его одного глаза, и оставившим безобразный шрам на всю жизнь), но парню только вурдалака на карнавале играть. С его наследственностью явно вышла оказия: что-то звериное в облике оборванца прослеживалось однозначно. О предках чужака можно только догадываться. Жуткие жёлтые рептилоидные глаза, светящиеся злым светом, делали лицо человека отталкивающим.

- Прочь с дороги, голодранец! - свирепо крикнул эльф, кладя руку на боевой топор, висающий на его поясе.

Его друзья остановились, хмуро поглядели на прервавшего их приятное путешествие бродягу, достали топоры и ножи, чтобы помочь, если что, пересчитать зубы залётному гостюшке.

- Ой, - вскрикнула Незабудка, закрыв лапкой рот, узнав опального мага, который проживал на их острове и был крайне непопулярен.

- Молчать! - выверился Остолоп, гоблин, вооруженный до зубов.

- Ай-ай-ай, - мило просюсюкал Выбей-глаз, ковыряя в зубах здоровенным ножиком, острым как меч Воителя. - Зачем ты пугаешь наших милых деток? Им может страшно. Дадим им насладится полезным зрелищем: как поступают благородные господа с большой дороги с теми, кто смеет заступать им дорогу.

Маргелиус, криво улыбаясь, глядел на то, как изгаляется маленький эльф с наглой рожей, и решил, что цирк пора кончать. Он взмахнул руками, планируя обрушить заклинание "Снежного бурана" на разбойников, но понял, что магия не слушается его искалеченных рук. Он зло выругался, нагло ухмыльнулся, и решил попробовать поторговаться, ну а вдруг.

- Мужики, у меня к вам предложение, - закинул удочку маг.

- Не интересуется, - отбрил эльф, поглаживая лезвие ножа. - Но вот урок хороших манер ты у нас получишь, - главарь банды сделал знак здоровенному гоблину Остолопу уже пойти и пересчитать зубы наглецу, смеющему преграждать им дорогу.

- Вы отдадите мне драконов, а за это я вас отпущу, не тронув, - продолжил, как ни в чём ни бывало, хамским тоном Маргелиус.

От такой наглости даже высокомерный эльф растерялся, в следующее мгновение бледное лицо Выбей-глаза пошло пунцовыми пятнами, и он заорал во всю мощь своей глотки, надтреснутым голосом:

- Убить, мерзавца!

- погоди! - заорал Маргелиус, тяня время, попутно пытаюсь мысленно связаться с Лютым и передать своё местоположение, чтобы дракон смог прийти на помощь. - Я ещё не представился, или вас не интересуется имя того, кого вы убить собираетесь?!

- А ты что, принц потерявшийся? Чтобы мы были заинтересованы в твоём имени? - гнусно заржал главарь бандитов.

- Почти. Моё имя Маргелиус Альгвардский, Правитель Страны Гор и Лорд Севера, по совместительству злой маг, - сделав неприятное лицо выпалил Маргелиус.

Лютый услышал его мысленный зов, но маг слишком далеко, и за два дня не долететь. Маргелиус в отчаянии закусил губу. Четыре противника вооружённых до зубов, а руки в такой решающий момент не слушаются его, но отпустить разбойников и позволить им украсть юных дракончиков, он тоже не может.

На словах "Маргелиус Альгвардский" эльф Выбей-глаз, на мгновение, внимательным взглядом ещё раз исследовал лицо бродяги и рваную одежду и заржал так, что, казалось, птички в радиусе трёхстах метров получили расстройство слуха и лишились аппетита на неделю вперёд. Подельники эльфа ржали вместе со своим главарём до икоты.

Маргелиус вздохнул, да его не только упорно не узнают после тысячелетнего сна, но ещё и постоянно смеются. Раньше только звук его имени вызывал дрожь в сердцах не самых трусливых рыцарей... если бы только магия снова слушалась его. Хотя, может эльф и его сообщники сдохнут от смеха, как вариант. Но мечтам мага не суждено было сбыться.

Маленький эльф, отсмеявшись до слёз, вытирая рукой пот со лба, сделал знак своим друзьям, уже разобраться с проблемой.

Маргелиус мысленно выругался и взмыл в прыжке, обрушившись всем весом своего тела на первого гоблина, крепко приложил его по голове. Башка у гоблина была явно чугунная, так как он, не слишком смутившись, преспокойненько попытался проткнуть герцога ножом, тот еле увернулся в последний момент. Когда надели остальные подчинённые главаря, Маргелиус рванул из всех сил, рубанул тролля по шее ладонью, попутно, мрачно

сверкнув глазами, укусил за руку попытавшегося задушить его гоблина, от чего тот не только выпустил его из рук, но и, протяжно скуля, уполз в кусты.

Маленький эльф, с холодным блеском в глазах, наблюдал за развернувшейся битвой. Бродяга с попеременным успехом отбивал атаки. Довольно успешно пнул по коленной чашечке нападающего на него последнего гоблина, который, выругавшись, выронил нож, и тут же получил отличный удар в челюсть, после чего улёгся отдохнуть в пыли.

Выбей-глаз сплюнул на землю и решил, что если что-то хочешь сделать хорошо, то сделай это сам. Он крутанул боевой топор и метко запустил его в так героически сражающегося противника.

Острая боль пронзила грудь и, к своему удивлению, Маргелиус почувствовал, что ноги не держат его. Он из последних сил развернулся, затуманившимся взглядом поглядел на ухмыляющегося довольного эльфа и почувствовал, как кровь закипает в его венах. Глаза начала застилать пелена кровавой ярости, он медленно выдернул топор из раны, взял в правую руку и направился к стоящему с высокомерным видом элфу. На лице Маргелиуса появилось безжалостное кровожадное выражение, от крови, хлещущей из раны, начал поднимать дым, а вокруг головы появились лёгкие снежинки, земля, где ступал герцог, начала покрываться льдом. У маленького эльфа расширились глаза, и он решил, что, пожалуй, сейчас самое лучшее время сделать ноги, так как он не храбрый герой, чтобы погибнуть невесть ради чего. Он шустро развернулся на пятках и припустил без оглядки. Ледяная белоснежная стена возникла неожиданно, поднялась с земли, и эльф со всего маху врезался в неё. Выбей-глаз сглотнул, ощупал её руками, проверяя на реальность, и рванул в другом направлении... Снова ледяная стена. Север отзывался на мысли бывшего своего правителя.

Выбей-глаз прижался спиной к стене, в отчаянии прикусил губу, - спасения не было. Он видел, как медленно приблизился этот жуткий человек и уставился нарочито спокойным взглядом ему в лицо. Эльф стиснул зубы, почувствовал, как острое лезвие топора холодит кожу у горла, гордо задрал подбородок и решил, что злой маг не дожждётся, чтобы он просил о пощаде. В свою последнюю минуту Выбей-глаз приготовился умереть с достоинством, которого не имел при жизни. Маленький эльф смотрел с вызовом в жуткие янтарные глаза мага и не отводил взгляда.

Маргелиус почувствовал, что ярость утихла, он глядел маленькому элфу в глаза, горящие непокорным светом, медленно опустил топор и бросил его к ногам поверженного врага.

Белая ледяная стена медленно таяла.

- Уходи, - коротко сказал маг, развернулся и пошёл освобождать юных дракончиков из плена.

Он медленно, с трудом дошёл до клетки, распахнул её, выпуская на волю пленников. Те радостно взмыли в воздух и были таковы, не задержавшись

поблагодарить спасшего их человека. Он без сил сполз на землю и провалился в тяжёлое беспамятство.

Выбей-глаз рассеянно поглядел на распростёртое на земле без чувств тело мага, истекающее кровью, почесал за ухом и сделал знак своим друзьям, что уже пришли в себя, следовать за ним к телу их поверженного врага.

Маргелиус с трудом вышел из тяжёлого забытья и разлепил веки, болезненно шевельнулся, отчаянно ныло всё тело. Он увидел наклонившуюся над ним безобразную рожу маленького эльфа, расплывшегося в довольной ухмылке. В следующее мгновение эльф достал кувшин, сделал приличный глоток и поднёс сосуд к губам мага, заставляя того выпить. Ром обжёг горло. Маргелиус закашлялся до слёз, с трудом переводя сбившееся дыхание. Эльф преспокойненько убрал кувшин и сделал ещё один здоровенный глоток.

- Эльфийский ром горных эльфов, лучшее пойло, что я пил в своей жизни, - пояснил Выбей-глаз.

Маргелиус хотел сесть, но тело было как чужое, и он предпочёл остаться лежать на месте, набираясь сил и внимательно наблюдая за самодовольным эльфом.

Выбей-глаз оценил усилия мага и покачал головой:

- Парень, на твоём месте я бы лежал ещё недели две. Рана была очень скверной, считай, прямо в сердце. Удивительно, как ты ещё ходил с таким ранением. Я думал, ты у нас издохнешь с концами за эти двое суток. Но, похоже, вы из расы Бессмертных так легко не сдыхаете, предпочитая упорно цепляться за жизнь, чтобы отравлять её другим представителям Мира Воителей. Кстати, я тебя зашил, можешь даже меня поблагодарить, не сделай я это, будь ты трижды Лорд Севера или как там тебя зовут, сдох бы как миленький, - на этих словах эльф ещё раз окинул лежащего на земле мага оценивающим взглядом и добавил. - Честно, никогда бы не подумал, что ты Маргелиус Альгвардский.

Маргелиус поднял холодные мрачные глаза на заливающегося соловьём эльфа в ожидании продолжения монолога.

- Ну, не тянешь ты на великого злого мага, уж извини. Все знают, что Лорд Севера был одним из самых могучих тёмных магов, нереально жесток, безумен в своей ярости. Он испепелил бы нас с первого взгляда на дороге за то, что мы посмели оказаться на его пути, а ты вёл какие-то разговоры и жалко предлагал отдать драконов. Разве великий злодей, кумир моего детства, так поступил бы? Затем, что ты делаешь дальше? Ты же меня пощадил тогда у стены! Или все эти легенды о тебе ложь или твои дела ещё паршивее моих, сударь злой маг. Ну, не тянешь ты на великого безумного мага никак. Эта драная одежда, ты бы хоть с кого-нибудь что-то попримечнее снял, что ли. Зачем ходишь как бродяга? - на этих словах эльф прервался смочить глотку.

Выбей-глаз поглядел на сумрачно молчащего мага, вглядывающегося невидящим взглядом в догорающий костёр, вздохнул и протянул тому

кувшин с ромом, Маргелиус молча залпом осушил его, откинувшись на своём ложе.

- Это одежда моего сына, - хрипло отозвался Маргелиус, вспоминая трубадура, который его разбудил от тысячелетнего сна.

Эльф молча закурил трубку, с изумлением вылупившись на мага: о том, что у Маргелиуса были дети, на уроках истории они не учили - точно. Но желание спрашивать, отчего же некогда великий маг закончил свои дни, разгуливая по лесу в таком плачевном состоянии, в вещах принадлежащих некогда его сыну, у него пропало напрочь.

Повисшую тягостную тишину нарушил сам Маргелиус, который опёршись на локоть поглядел на маленького свирепого главаря разбойников и беззлобно хмыкнул:

- Почему ты, вместо того, чтобы отрубить мне башку, пока я был без чувств, даже зашил мою рану?

Выбей-глаз подсел ближе к магу, чтобы не слышали его дружки и дружелюбно пояснил.

- Знаешь, мне последнее время жутко не везёт, я уже думал, что я самый последний аутсайдер среди злодеев. Сначала я встретил двух гоблинов и одного лысого тролля и, вместо приятного грабежа, у нас вышел унижительный побег от странника, которого вызвал жирный гоблин с помощью магического свистка, это был позор моего злодейства. Затем мы забрались в амбар поживиться, но вместо добычи там оказались одни какие-то бюллетени к выборам, из-за которых нас утром чуть не изловили и не отдали на растерзание толпе, и нам снова пришлось, что есть мочи, уносить ноги. Последнее время моя жизнь - это унижительное бегство, а тут ещё ты свалился нам на голову. Ты вселил в меня надежду, что я не самый последний аутсайдер среди злодеев, так как есть ещё ты. Поэтому я решил оставить тебя в живых. Плюс, злодей злодею всегда поможет. Цеховая солидарность, знаете ли, сударь. Злой маг может в будущем быть полезнее мёртвого, точно.

Маргелиус только бровь почесал от такой витиеватой логики маленького коренастого эльфа, от которой разило ещё и вопиющим неуважением к его персоне. Ну, эльфы они и есть немного странные ребята, что с них взять.

Маг дёрнулся и замер - его искал Лютый. Он нарисовал картинку леса, где он находится, чтобы дракон мог его быстрее найти.

- Лютый меня ищет, мой друг-дракон, - пояснил Маргелиус на заинтересованный взгляд главаря банды. - Вам лучше уйти, так как драконы вряд ли будут так же дружелюбны, как и я, из-за похищения их детей.

- Значит это всё же правда, что твой разум слит с разумом дракона. Ну да, глядя на твою внешность легко поверить. Ты уж прости, господин маг, но такой отталкивающей рожи, как у тебя, я ни у кого в Мире Воителей ни разу не видел. Будь я на твоём месте, я бы башку отрубил тому, кто предложил мне такую штуку сделать с собой.

- Я сам это предложил, - заржал маг, вспомнив, как он познакомился с драконом и как тот был против такого безумного шага. - Лютый меня как раз отговаривал.

- А, ну успокоил, значит, не совсем легенды врут, всё же что-то сумасшедшее в тебе есть. И в вашей паре дракон - реально самый разумный, - довольно осклабился эльф, ухмыляясь в усы.

Эльф замолчал, обдумывая что-то видимое только ему, помешал угли в костре, поглядел на мага, - тот лежал, равнодушно уставившись в небо.

- Не хочешь присоединиться к нам? - предложил эльф. - Ну, на твоём Севере тебя, я понимаю, не очень ждут.

- Нет. Я живу на Коралловом острове с драконами, лучше я вернусь обратно. Я и вылез с острова только из-за того, что ты украл их детей, - покачал головой Маргелиус.

- Ну что ж, по крайней мере у тебя есть друзья драконы. И среди них тебе точно лучше, чем среди людей, - философски заключил Выбей-глаз.

Маргелиус криво поморщился, припомнив, что кроме Лютого, на драконьем острове его больше никто не любил, и остальные драконы еле терпели его присутствие, всячески демонстрируя презрение к опальному магу. Но решил об этом не упоминать.

- Ладно, ты прав, твоего дракона и его братьев мы с друзьями дожидаться не будем. Передавай им привет от эльфа Выбей-глаз, - решил, поднимаясь с земли главарь разбойников. - До свидания, маг, не забывай, что я тоже тебя пощадил, если наши пути пересекутся в будущем.

- Я не забуду. Выбей-глаз, - окликнул эльфа маг, - не похищай больше драконов и не охоться на странников, если это не самозащита только. И мы разойдемся на одной дороге, обещаю, - серьёзно произнёс Маргелиус, глядя внимательным взглядом в глаза обернувшегося эльфа.

Тот молча кивнул и, сделав знак помощникам, тихо растворился со своими подельниками в лесной чаще.

У Маргелиуса отвисла челюсть, когда он увидел летящую армаду драконов, которые плавно спикировали на поляну. В следующее мгновение его чуть не задушили в объятиях. Выяснилось, что юных дракончиков очень быстро нашли и те поделились произошедшими с ними событиями. Они рассказали, что Маргелиус, рискуя своей жизнью, сражался за них и смог освободить. Недолго раздумывая, драконы ринулись на помощь магу, - они тоже умели быть благодарными.

Мальцева Ирина

Я – не Ок. Притча о жизненной позиции

Эта история о маленьком человечке, уникальном, имеющим свой потенциал.

Каждый из нас уникальный, другого такого нет, в каждом есть свой ресурс и потенциал, в каждом есть свои сильные стороны.

В герое этой истории близкие не смогли увидеть его уникальность и сильные стороны. Поэтому человек злился и обижался.

Не смогли так, как не умели и не знали, как для ребенка важны позитивные поглаживания.

Когда человечек пошел в школу он и там продолжал замечать и слышал отрицательные поглаживания: «Ты не такой, как все!», «Не будь клоуном!» и др.

Давно известно, что как яхту назовешь, так она и поплывет. Вот и наш человек продолжал плыть – плохим, ужасным и непослушным, продолжая злиться и обижаться.

А чтобы было не так больно, он привык защищаться, обороняться и даже нападать.

Человечек вырос. Став взрослым Человек он потерял веру в себя и других.

«Я – не Ок! Я ничего не достиг!» - говорил Человек себе.

Чувствуя злость, обиду и отчаяние Человек начинал или защищаться, или оправдываться.

«Это Они - не Ок. Если бы не они – то я бы стал другим!»

Так у Человека сформировалась жизненная позиция: Я - не Ок и Ты - не Ок.

Однажды ему приснился сон. Он окружен со всех сторон камнями, которые ему достают до плеч. Тяжело дышать, тяжело смотреть на мир...

«Что мне делать!» – закричал Человек.

И услышал в ответ: «Делать!»

«Это всего лишь эхо», подумал Человек.

И разозлился еще больше. Злясь Человек продолжал кричать, передразнивая эхо.

«Делать, делать – это легко сказать!»

И услышал он ответ: «Делать, делать - легко!»

Посмотрел Человек на камни и решил их убрать. Когда стал убирать, то заметил, что каждый камень имеет надпись: злость, обида, безнадега, вина, стыд, тревога.

«Я не справлюсь!» - кричал Человек.

«Справлюсь...» - был ответ.

Эти слова придавали силы Человеку. Он устал, вспотел, его руки покрылись мозолями, но он продолжал трудиться. Когда последний камень был убран, он почувствовал облегчение!

Проснулся Человек с новыми ощущениями, с верой в себя! Слова из своего сна он повторяет иногда: «Я справлюсь, я творец своей жизни и своего счастья! Я - О'Кей!»

Теперь Человек знает, что какое бы не было прошлое – «здесь и сейчас» можно создать новое настоящее, здоровую жизненную позицию! Именно сегодня можно наполнить себя живительной энергией, укрепить свое Я, верить в себя!

Притча о принятии, целостности и любви

Однажды ей привиделся Ангел-хранитель. Обычно люди его не видят.

И спросил ее Ангел-хранитель: «Есть у тебя желание?»

«Да - ответила она, - я хочу найти мужчину, построить с ним зрелые отношения и выйти замуж. Я хочу семью!»

«Хорошо - сказал ангел-хранитель, - напиши письмо, чтобы я знал, каким ты его представляешь. Пиши подробно и про его личные качества не забывай».

Она написала за один день. И снова предстал перед ней Ангел-хранитель.

«Выполнила, постаралась, умница, - сказал Ангел-хранитель. Только он какой-то идеальный получился. Как с иконы святого писанный. Где же его недостатки, которые ты сможешь принять?»

Она взяла лист и дописала недостатки, которые она сможет принимать.

«Вот, недостатки написала» - протянула она лист бумаги.

«Чудесно – одобрил Ангел-хранитель, - образ его есть! Чего –то не хватает в этой картине. Как думаешь?»

«Меня» - молвила тихо она.

«Верно! Поди, напиши свой образ» - мягко сказал он.

Ей понадобилось 3 дня. Образ получился на бумаге в два раза меньше, чем образ мужчины. Когда снова явился ангел-хранитель, она протянула ему листок, на котором было несколько строк: добрая, любящая, заботливая, незрелая и др.

В этих строчках она честно написала свои достоинства и недостатки.

«Хорошо» - сказал Ангел-хранитель.

«Что ж хорошего? - спросила она. Его образ получился такой насыщенный, успешный и зрелый. А я такая... Сможет он меня полюбить такую?»

«А ты свой образ можешь улучшать день ото дня. Ты можешь расти и развиваться. Тебе есть, что дать ему. Давая ему заботу, любовь и беря от него, ты сможешь обогащаться. Только помни о себе! Принимая себя, принимая

другого, преодолевай свои страхи. Принимая свое несовершенство, свою незрелость – можно начать духовно расти и развиваться! Позволь себе такой, какая ты есть - одобряй себя, уважать и любить. Найди источник любви внутри себя! Продолжай возвращать и удобрять этот источник!» - сказал с любовью Ангел-хранитель.

Притча про счастье

Однажды счастье постучалось в дом человека.

- Ты кто? - спросил человек.

- Счастье твое! - ответило радостно Счастье.

- Где ж, ты все это время пропадало?! - спросил недовольно человек.

- Да вот... - ответило Счастье, - искало тебя.

- Долго ж, ты меня искало, - продолжал возмущаться человек.

Счастье переминалось с ноги на ногу у порога, оправдываться как-то совсем не хотелось.

- Рассказывай скорее, - потребовал человек.

- Что?

- Как я теперь заживу когда ты рядом, - напористо продолжал человек.

- А можно с дороги присесть, отдохнуть, чай попить, - проговорило Счастье.

- Ах, да! Не подумал совсем. Давай присаживайся, пей быстрее и рассказывай, - не унимался человек.

- Ты вначале о себе поведай, - попросило счастье. - Чем живешь? Какие планы? Что радует тебя?

- Ну, слушай...

Человек рассказал Счастью, как плох этот мир, какие вокруг люди — то злые, то упрямые, то завистливые или коварные. Съевшись в кресле, Счастье слушало человека, не перебивая. А человек не унимался: и на работе плохо, и в семье, и со здоровьем не ладится.

В комнате стало мрачно, сыро, неуютно. Счастье, закутавшись в плед, продолжало слушать человека.

- Ну, с чего начнешь? - спросил человек.

- Что начну? - удивилось Счастье.

- Ну как у Вас там положено... Счастьем одаривать, что ли, - молвил человек, нахмутив брови: - Только поторапливайся, а то замучился я так жить!

- Так это... - молвило Счастье, - Ты ж, так сколько уже живешь несчастливо, поэтому время надо и силы, трудиться так сказать.

- А ты зачем здесь? - воскликнул человек, - Толку тогда от тебя! Значит отказываешься от меня? Предаешь меня!

- Нет, - сказала Счастье, - прошу тебя мне помочь. Ты ж, до этого свое несчастье подпитывал гневом, злостью, ненавистью, завистью и страхами. А теперь начни меня счастье, подпитывать — радостью, любовью, заботой и уважением. Направь свою энергию на счастье. Для этого хочу договор с тобой составить.

- Это как? - вдруг заинтересовался человек.

- Напиши, что хочешь. Что будешь делать, чтобы желания реализовать. Каждый день будешь трудиться и выполнять пункты своего плана.

А еще, - молвило Счастье, - будешь замечать и записывать радостные моменты, с радостью вставать, с радостью и добром засыпать. В каждом дне находить, что-то радостное и светлое.

- И это все?

- Пока все, а там видно будет, - ответило счастье.

- А ты что будешь делать?

- Я буду с тобой рядом, сопровождать и поддерживать тебя каждый день. Радоваться твоим успехам, гордиться твоими достижениями, - сбросив плед с плеч, заявило Счастье.

Прошло время... Человек изменился: на его лице сверкала улыбка, он стал уверенным и интересным собеседником, у него появились друзья, в семье стало ладно и мирно, со здоровьем тоже все наладилось и много еще чего хорошего произошло...

Так человек понял, что счастье не придет само, его нужно творить! Каждый человек творец своего счастья!

Роль отца в жизни ребенка

ПАПА! Такое теплое и одновременно мужественное слово! Представляю когда папа держит на руках, баюкая, какая чувствуется сила и тепло, забота и защита.

А когда папа подбрасывает вверх! Ух! Кто лучше него может это сделать. Ведь только у него крепкие и сильные руки! А быть у папы на плечах — так высоко, и так интересно!

Многие матери отмечают, что ребенок лучше кушает с отцом. Вспоминаю, когда несколько лет назад вела группы «Мать и дитя». Иногда по субботам на занятия вместо мам приходили папы. Один отец рассказывал, как он вырезал из овощей различные фигурки, украшая детскую тарелку с пищей.

Папа более хваткий, энергичнее - с ним интересно гулять на площадке, играть в мяч, учиться кататься на самокате или велосипеде. А как прекрасно находиться на папиных плечах! Ух! Высоко!

Папа даже книжки читает не так как мама.

Для ребенка важна близость отца. Отец в жизни ребёнка – это источник силы, защиты.

Позитивные отношения с отцом формируют у ребенка эмоциональную уравновешенность и оптимизм, самоконтроль и принятие социальных норм.

Роль отца в жизни мальчика

Для мальчика отец является примером для подражания. Как правило, мальчик копирует поведение отца. Благодаря отцу у мальчика может сформироваться нравственный облик и способы подведения в семье и в социуме. То как отец строит отношения с матерью, как относиться к быту в дальнейшем поможет выросшему сыну построить отношения в своей семье.

Именно благодаря взаимодействию отца и матери формируются представления о взаимодействии между мужчиной и женщиной. Например: если отец ведет себя агрессивно, неуважительно по отношению к матери, то став взрослым сын может повторить сценарий отца, а в некоторых случаях может создать антисценарий.

Другой пример: Отец «убегает» от решения проблем в алкоголь, снимая, таким образом, напряжение, стрессы. В будущем сын может также использовать алкоголь или другие неконструктивные способы для снятия стрессов и напряжения.

По мнению Р.Кэмпбелла у добрых отцов вырастают мужественные сыновья.

Что значит добрый отец?

Под добротой я понимаю уважительное отношение отца к личности сына, строгость и справедливость в воспитании, мудрость и уравновешенность. При этом отсутствие жестокости и унижения, давления и навязывание своего мнения.

Несколько лет назад консультируя отца-созависимого, у меня родилась такая метафора: «Вы давали готовые решения, советы лишая сына способности думать, брать ответственность — это все равно, что взять пожевать пищу за человека, положить её в рот и заставить проглотить!» «Точно!» - воскликнул отец.

Поэтому в воспитании сына важно придерживаться развития самостоятельности и ответственности.

Важно задавать такие вопросы:

«Как ты думаешь, как можно поступить в такой ситуации?»

«А еще как?»

По мнению Адлера, относиться к своим детям надо как к равным и избегать родительского авторитаризма. Родительский авторитаризм может способствовать формированию девиантного поведения или инфантилизма.

Роль отца в жизни девочки

Если у мальчика формируется благодаря отцу – образ Я-мужчина. То у девочки – образ будущего мужа. Бессознательно она может искать мужчину похожего на отца. Похожего не внешне, а в личностном плане – в характере, поведении.

На практике отмечаю, что у добрых отцов, эмоционально устойчивых вырастают девочки умеющие достигать целей, им легче делать выбор, они более самостоятельны, эмоционально устойчивы. Похвала отца, его поддержка и одобрение, безусловная любовь очень важны для девочки. Уважительное отношение к ее личности и женственности. То есть быть джентльменом, относиться к дочери как к маленькой леди.

Хочу привести пример, который наблюдала прошлым летом на одном городском мероприятии. Позади себя услышала чьи-то всхлипывания. Невольно повернувшись, увидела плачущую девочку лет 9. Девочка находилась в окружении матери, отца и брата. Что-то произошло между братом и сестрой. Мама начала делать тихо замечания брату, при этом подавая платок девочке, чтобы вытереть её «наигранные» слезы. Реакция девочки усиливалась. Что сделал в этот момент отец. Он подошел, стал позади дочери и молча положил руки ей плечи. Девочка мгновенно успокоилась. Мама еще некоторое время пыталась продолжить «дарить свое внимание» дочери. Поведение отца снова порадовало, он не стал делать замечание жене, а продолжал держать за плечи дочь.

Считается, что отец более эффективный воспитатель, чем женщина. Так как он меньше опекает, тревожится, предоставляет больше самостоятельности, воспитывая в ребенке самодисциплину. Это конечно в том случае, если отец – зрелый.

Под воспитанием самодисциплины я понимаю

- способность владеть собой;
- быть самостоятельным – умение принимать решения и нести за них ответственность, умение делать выбор и выносить из него пользу опыта.

Для этого конечно важен, по мнению Росса Кэмпбелла «достойный пример отца».

Если отец доминирующий, то это наоборот может привести к развитию пассивности ребенка.

Часто слышу от отцов стремление заполнить свободное время ребенка различными секциями, кружками. При этом сами отцы могут проводить свободное время на диване, перед телевизором или компьютером, аргументируя усталостью после работы.

Знаете, что говорят в таких ситуациях дети?

-«Я тоже устаю после школы, а папа меня заставляет...»

Чтобы требовать, что-то от детей важно уметь это выполнять самому. Чтобы, что-то дать ребенку важно иметь это в себе самом или начать развивать.

Быть отцом — это сложно и интересно!

С благодарностью и любовью моему папе!

Притча Макс Везунчик. О разводе и не только

Жил был Макс. Макса называли Везунчиком. Да и он себя тоже считал Везунчиком.

Хотя почему жил, был... Он и сейчас живет — Макс Везунчик. Почему Везунчик?

Во-первых, — ему повезло потому, что его ждали. Ждали его рождения. Говорят, что желанным везет. О том, как его ждали ему рассказывала мама. Когда он был совсем крошечным в мамином животике, родители еще не знали мальчик или девочка у них будет, поэтому и папа, и мама называли его Солнышко. А солнышко — это счастье, это что-то теплое, светлое и лучистое.

Когда врач сообщила, что будет мальчик мама и папа стали обращаться к нему сынок.

«Сынок, - гладил папа животик мамы. - Мы тебя ждем! Как ты там?»

Мама посещала групповые занятия для беременных. Для пап там то же время выделяли. До сих пор сохранились ее рисунки и письма, которые мама творила на группе.

А папа в это время делал ремонт.

В общем, много чего делали родители для того, чтобы ему было комфортно и безопасно.

И вот Макс родился!

Счастье мамино и папино!

Все, как и положено было в раннем детстве Макса и грудное вскармливание, и теплая заботливая, любящая мама и любящий, принимающий отец.

Отец у Макса был классный веселый, находчивый и трудолюбивый. Отец приучил Макса к порядку, научил его быстро бегать, делать зарядку, придумывать разные увлекательные игры дома и в дороге, а когда настало время, научил Макса читать.

Однажды в семье Макса возникли трудности. Папа и мама озвучили Макс, что они решили жить отдельно.

Родители сказали: «Так получилось, Макс, мы не можем больше жить вместе. Мы хотим, чтобы ты знал, что в сложившейся ситуации нет виноватых, правых и неправых. Мы благодарны, друг другу, что ты у нас есть! Мы тебя любим!»

Отец сказал, что они будут с Максом общаться и проводить время. Макс первое время было тяжело, он даже всплакнул в подушку пару раз... Но теплая обстановка дома, любовь и внимание родителей Макс помогли принять ситуацию.

Прошло несколько лет, и мама Макса встретила дядю Петю. Дядя Петя понравился Макс своему спокойствием и уверенностью, он слылся человеком мастеровитым. Дядя Петя научил Макса чинить розетку и кран, вместе они выезжали на рыбалку. Макс уважал дядю Петю, ему с ним было интересно и безопасно, как и с отцом.

Как-то одноклассник рассказал, что у него появился отчим и спросил Макса, как ему живется с отчимом?

«Замечательно! - сказал Макс, - От папы я взял... А от дяди Пети...»

И Макс перечислил всё чему его научили отец и отчим.

«Везунчик ты, Макс!» - сказал одноклассник.

Эта притча о том, как детям помочь пережить развод и как в жизни сформировать умение видеть хорошее.

Сказка Как Эльчик учился писать

Сказка может быть полезна детям, которые переживают если у них что-то не получается. А также родителям, которые желают оказать мудрую поддержку своему ребенку.

Метафору про котлеты Вы можете заменить другой метафорой (например, рассказать как постигали искусство печь блины или эклеры). Важно, чтобы она не была идентична ситуации ребенка.

На одной из далекой планеты живут люди чем-то похожие на нас. Взрослые этой планеты ходят на работу, чтобы заработать деньги и принести пользу своим трудом. А дети посещают садики или школы, чтобы получить знания.

Живет на этой планете Эльчик. Эльчик очень любознательный и талантливый. Он многое умеет.

Настало время и Эльчик пошел в подготовительную школу. Благодаря своему таланту он быстро обучился всему тому, чему учат в школе. Только плохо у Эльчика получалось писать буквы. Поэтому по поводу он огорчился, а иногда и злился. Однажды когда Эльчик выводил букву Ж, он так разозлился, что бросил ручку.

Мама увидела, подошла к Эльчику, обняла и сказала: «Вижу ты недоволен и злишься. Понимаю, ты хочешь научиться писать, и может быть какое-то время будет трудно. Но я уверена, что у тебя получится, потому, что ты хочешь научиться, и можешь быть трудолюбивым. Знаешь, когда-то я не умела жарить котлеты, как ни старалась, а они разваливались. Но я очень хотела этому

научиться, мне хотелось порадовать себя и своих близких. Поэтому я продолжала тренироваться снова и снова. Я продолжала верить в себя. И каждый раз у меня получалось лучше и лучше».

- Как ты думаешь, что мне помогло? - спросила мама.

- Что? - спросил Эльчик.

- Желание, уверенность в себе и радость маленьким успехам! - ответила мама.

Эльчик запомнил эту волшебную фразу и даже вывел её печатными буквами на альбомном листе, и поместил в рамку. Когда Эльчик садился заниматься, он смотрел на эту чудесную фразу. И это придавало ему сил, уверенности и терпения, помогало быть спокойным и усидчивым.

Так Эльчик научился писать!

Важно верить в себя и своих близких!

Притча о достижении целей

К одному мастеру пришли два ученика, с просьбой - помочь им овладеть определенным искусством, достичь поставленной цели.

Каждый имел огромное желание достичь своей цели. Каждый понимал, что для достижения цели им нужно получить конкретные знания, развить определенные навыки и умения. И конечно для этого им нужен мастер-наставник, который будет их сопровождать на пути развития!

Первый ученик занимался систематически, проявил трудолюбие, выполнял домашние задания и он достиг своей цели! Достигнув долгожданных результатов, он продолжал работать, совершенствуя свои навыки и мастерство. Ученик был доволен собой, опирался на свои силы и ресурсы.

Второй ученик был менее добросовестным. Он нерегулярно выполнял задачи данные мастером, нарушал некоторые, основные правила, он оспаривал их и критиковал мастера. Также он критиковал и осуждал поступки и действия первого ученика. В итоге - второй ученик смог достигнуть определенного уровня развития и своей поставленной цели. Однако удержать достигнутое он не смог...

Испытав при этом разочарование, он стал обвинять мастера в том, что мастер не все секреты ему раскрыл.

Чтобы достичь целей - важно понимать, что нужно вложить достаточно ресурсов, сил и времени!

Лариса Дзугутова**С Е Т Ь**

В саду на ветке замаскировался паук: то ли нарост на коре, то ли пенек застарелый. Прилетела муха, села рядом и давай чистить лапки.

- Уф... - передернуло старичка.

- Ах... – вздрогнула муха. – Кто вы?

Паук приоткрыл один глаз, затем второй. Глядь, перед ним любимое «лакомство». Сладенькая так молода и так аппетитна, что все в старом напряглось, брюшко молодецки вскинулось, глазки забежали, заблестели.

- Я?.. разве ты меня не узнала!? Да и не надо... – паук сделал вид, что мухи никогда не видел, а тем более не обидел. - А ты кто будешь, красавица?

Молодая встрепенулась, в каплю, словно в зеркало глянула.

- Я мушка-душка!

Старый слюной поперхнулся. Перед ним, в красную сеточку, глазки, тонкая талия и такие прелестные ножки. Паук притворно вздохнул:

- Эх... Все летают, а я несчастный, бескрылый бегемот.

- Не отчаивайтесь, бегемот... – пожалела муха паука. – Будете падать - крылья расправятся сами.

- А давай!!! - обрадовался он. – Закроем глаза и вместе в бездну!

Мушка прикрыла лапками глаза и тут же услышала резвый топот по иссохшей коре. К ней на коротких ножках неся, с выпученными глазами, «бегемот». Муха вспорхнула, паук подпрыгнул, не достал и, дрыгая ножками, сорвался вниз.

- Караул, - завопил он. – На помощь...

Всполошилась мушка, запричитала.

- Душка... - звал паук. – Давай вместе расправим твои крылья.

Молодая метнулась вниз, а там старичок висит на паутинке и, расставив ножки, с наслаждением вращается.

- Ах... - вскричала мушка, стала кружить рядом. - Вы волшебник!

- Цепляйся, - паук протянул волосатую ножку.

Слово смутило молодую.

- Что вы... Мама не велела цепляться к незнакомым.

- Я свой! - отрезал старичок. - Что еще говорила мама?

- Велела остерегаться пауков.

- Здесь только бегемоты! - старичок запел дребезжащим голосом: я белый, пушистый бегемот, для врагов незаметен на ветке, от дождя укрываюсь листом...

Назавтра мушка прилетела снова. Никого. Покружила, зависла... Да вдруг, будто в страшном тягучем сне, прямо у ее хоботка выплыло что-то

черное, мохнатое... Острые челюсти, четыре пары горящих глаз. Волосатые ножки тянутся к ней, уже обхватывают брюшко... Дернулась муха изо всех сил, выскользнула. Села на ветку, отдышалась, огляделась – никого. Лишь «бегемот» внизу беззаботно скачет на сеточке и насвистывает. Она слетела вниз.

- Чего кричала!? - весело спросил паук. – Дурной сон приснился!?

Он пружинил на паутине, все сильнее и выше. Крякал от удовольствия, звал молодую присоединиться.

А та, наивная, снова летала вместе с ним, то вверх, то вниз.

- Ах! Вы такой забавный, бегемот!

В третий раз прилетела муха, увидела, что за ночь соткал ее друг. Нежная, из тонкой нити сеть, ячейки одна в одну, в них ни замочка, ни узелка. Все украшено серебром утренней росы.

- Это для тебя! - сказал паук. – Всю ночь трудился. Теперь пойдешь дружить?!

- Ах!.. - затрепетала мушка. – Я согласна!

Только хотела принять подарок, да вдруг, другая в теле муха, слету опередила ее. Сеть сотрясла, росу уронила. Паук метнулся к той, другой. Душка видела, что толстуха вцепилась в сеть и не думает улетать. Старичок усердно хлопчет вокруг нее, обхаживает, обматывает. Самозванка жужжит, пищит... А про бедную мушку-душку старый позабыл, все кружит и кружит над этой залетной, словно крылья выросли.

Мушка «губки надула», с ветки вспорхнула, бросила ему сверху обиженно: «у вас плохой характер, бегемот»... и улетела.

Саидов Эльдар

Простые мотивы

Добро и Зло - следствие исключительно людских поступков.
Дьявол - это и прокурор, предъявляющий обвинение, и
судья, объявляющий вердикт и палач, его исполняющий...
И если бы не адвокаты...

Свинцовый дождь отбивал по жестяной крыше свингующий ритм. Вспыхивающие шары жёлтых фонарей парили над мостовыми, приподнимая город из придорожной канавы. Дрогнувшие от раската грома небеса разлили по мостовым радугу, переливающуюся необычайно яркими оттенками, но пешеходы забыли о детстве, а потому предпочитали парить вместе с улицами над мостовыми. Есть что-то предостерегающее в этом явлении современности - лужи, пропитанные копотью и бензиновыми выхлопами раскрашивают серый асфальт яркими красками, напоминая такую детскую, такую любимую нами радугу, сияющую в незамутнённой синеве небес. И наши суровые ботинки топчут их, забрызгивая детскими грёзами свои штаны, ругая их, на чём свет стоит и не замечая, с какой грустью, сливаясь в мерзкую жижу, они стекают в клоаку реальности.

Роберту было всего 22 года. Но не смотря на свой юный возраст, он относился к “потерянному поколению” - 4 года назад он прошёл через горнило войны, где попрощался с детством, потерял здоровье и посмотрел в глаза смерти - он был одним из немногих, кто выжил после химической атаки. Газ сжёг его лёгкие, и хоть он и остался жив, костлявая смерть медленно замахивалась своей безжалостной косой. Ночами его мучили кошмары, точнее - один кошмар: он бежит по полю, усеянному трупами, винтовками, развороченными телами, воронками. Газ стелился по земле, окутывая Роберта в свои смертельные объятия. В панике Роберт хватается за сумку, прикрепленную к поясу, судорожно, дрожащими руками срывая чехол. Руки не слушаются, холод сковал движения, ужас парализовал мысли. Лишь одна, пульсирующим нервом неистово бьётся в мозгу - выжить. Газ прикасается к кителю, хватается за шею, начиная неумолимо, безжалостно душить, глаза наполняются слезами неотвратимости смерти. И с ним не договоришься, не вымолишь пощаду - безжалостный призрак неумолимо сковывает твою грудь конвульсиями и хрипом.

Руки наконец освободили спасительный противогаз из плена, Роберт одним движением надевает его, поворачивает заветный клапан и облегчённо делает вдох. Но вместо спасительного воздуха в лёгкие попадает смертельный газ - шланг оказался повреждён и яд через трещину ринулся доделывать свою работу. Спотыкаясь, он падает в окоп, в глазах темнеет, тело практически не слушается... В это мгновение Роберт всегда просыпается -

холодный пот застит глаза, сердце вырывается из груди, дикий спазм не даёт вздохнуть. Рука тянется к тумбочке, на которой переполнена всевозможными склянками, таблетками, порошками, на ощупь находит нужную, срывает крышку и отправляет таблетку в рот. Вот и сейчас, тяжело дыша, он стоял перед окном, глядя на стекающие по окну струи дождя, размытые силуэты прохожих, размазанные по стеклу пятна света от фонарей. Жизнь текла мимо него - он мог лишь ощутить её присутствие, но уже никогда не сможет стать её полноправным участником. С грустью отойдя от окна, он подошёл к письменному столу. На нём лежали различные чертежи, письма, скомканные газетные листы, марки, выдавший виды нож для разрезания писем, обгрызанные карандаши и перепачканная чернильница. Поверх всего стояла резная шкатулка. Роберт притянул её и приподнял крышку - на дне лежали с трудом скопленные деньги. Они были нужны ему для операции, которая должна была если не избавить от мук, то облегчить их. Набрать нужную сумму было тем более сложно, что кризис не щадил никого и ничего. У него были некоторые сбережения, оставленные родителями, но и вместе с отложенным это не давало и половины суммы. Роберту приходилось работать на трёх работах сразу, чтобы можно было и деньги отложить, и с голоду не помереть. Роберт отодвинул шкатулку и вновь принялся перечитывать письмо, которое прислала ему его дальняя родственница - Лоис Хольтцманн. Ещё до войны он наведывался в их поместье: он - юный выпускник, горячая натура, страстно влюблённая в литературу и свою одноклассницу - рыжую, как осенняя листва, Лиз Шнайдер. Она - милый, двенадцатилетний ребёнок, которому он рассказывал только что сочинённые сказки. Они так полюбились юной Лоис, что она всё лето тенью бегала за Робертом и ни на минуту не отпускала его от себя. И вот, спустя столько лет, она нашла его и написала письмо. Правда, не самое весёлое - едва бедняжке исполнилось восемнадцать, как её родители погибли в автокатастрофе. Горе снедало её настолько, что она не могла ни есть, ни спать. Единственное, что изредко иссушало её слёзы были его сказки, зачитанные буквально до дыр и с которыми она не расставалась ни на секунду. Она просила - и, судя по разводам на словах в письме было видно, что просила слёзно, - приехать к ней в поместье.

Роберта разрывало желание помочь бедняжке в её первом знакомстве с “дамой в чёрном”, но его помощь могла ознаменоваться потерей надежды на проведение операции, о которой он грезил. Ведь ему пришлось бы оставить работу. На одной он был зарегистрирован и мог взять отпуск за свой счёт. На остальных же он просто подрабатывал. И, так как желающих не погибнуть с голода было больше, чем возможности спасти их, было ясно, что, стоит ему уехать, как на его место тут же придут другие. Да и в отпуск уходить тоже было нежелательно, даже за свой счёт - штрейкбрехеры стали неотъемлемой частью современного мира, где жестокость оправдывалась желанием

спасти и спастись. Терзаемый муками собственной нужды и чужого горя, Роберт обречённо побрёл на кухню. Коридор был сущей тьмой, в которой сам сатана выколол бы себе глаз. Однако жильцы дома научились определять нужное направление по скрипу половиц - видимо, сборщик этого паркета был в душе нераскрытым музыкальным дарованием: каждая половица обладала своим уникальным скрипом, отличающим её от всех прочих. Поэтому утаить, кто и куда ходил ночью от бдительных соседей было попросту невозможно.

...-Пупсик, ну, скажи мне, зачем мы едем в эту глушь? Мы же должны были поехать на этой неделе в Монте-Карло, а теперь ты заявляешь о том, что я должна приехать в своих вечерних нарядах в какую-то деревню. Ради кого мне там одеваться? Ради пастухов и свиней?

-Заткнись, дура!

-Пупсик!

-Я сказал заткнись! Мы поедем туда, куда я скажу, а ты будешь делать то, что тебе велено. И если я велю устроить показ из твоих платьев в хлеву перед свиньями, ты сделаешь это!

Белокурое создание с огромными голубыми глазами скривило томные, чувственные губы и по алым щекам покатались огромные слёзы.

-И не реви! Ты же знаешь, что я этого терпеть не могу!

Фру дёрнула головой, уперев взор в кружевной подол своего полупрозрачного пеньюара, обиженно поджав подбородок.

С досады на свою горячность, Леопольд швырнул со стола стакан прямо в камин. Алое пламя словно огнедышащий дракон вырвалось из зияющей пасти очага.

-Ладно, прости меня... Слышишь?

Он подошёл к дивану и сгрёб свою молодую жену в железные объятия. Фру пыталась вырваться, но руки Леопольда знали в своё время тяжесть кузнечной кувалды - он справлялся даже с Марком - здоровенным детиной, работающим в одном из погрузочных цехов - а тот был на целую голову выше и шире в плечах.

-Детка, ну прости меня. Я очень нервничаю - эта поездка очень важна для меня

-Важнее Фру?

-Да пойми же, глупая, что если ничего не выйдет, тебе больше не придётся купаться в своих мехах и красоваться на различных балах.

-Что ты хочешь сказать?

-Что фортуна - вещь непостоянная. Но я решу все проблемы благодаря этой поездке. Ты же меня знаешь - я всё могу. Но только будь паинькой и просто не мешай мне делать то, что я должен.

Он взял её за подбородок и в посмотрел на неё в упор.

-Да, пупсик, хорошо, конечно, я прямо сейчас пойду собираться.

-Вот и славно...

Леопольд посмотрел на саквояж, в котором были его вещи, и в этом взгляде читались одновременно тревога и решительность...

Доскрипев до плиты, Роберт звякнул связкой ключей и открыл свою дверцу шкафа. На кухне ориентироваться было куда проще - в соседнем здании располагался бордель, чьи огни завлекали прохожих и освещали прокопчённые кухонные стены. Чиркнувшая спичка придала голой наготе налёт романтики, который тут же стёр ни на что не похожий запах шкафных полок, обдающий тебя в таких квартирах - смесь перца, прогорклого масла, пыли и лекарств. Роберт вытянул из прогнившего чрева жестяную банку и поставил кипятиться чайник. Странное дело, но даже кофейный суррогат действовал на него. Но только не бодрил, а наоборот - клонил ко сну. То же самое было с ним и в те времена, когда он мог позволить себе заваривать натуральный кофе. Мммм.... Что может быть слаще этой ночи, плескающейся в твоём стакане, с каждым глотком поднимая на поверхность сознания лучшее, что есть в тебе?

На потолке переливались огни, двигаясь широкими всполохами в такт настенным часам. Высший дар - это пользоваться мгновениями, когда время замедляет свой ход и ускоряется - получаешь возможность не просто сделать шаг, а ещё и обдумать его.

Чиркнула ещё одна спичка - и следом комнату прорезало густое облако табачного дыма.

-Опять не спится? - на пороге кухни стоял Отто Кирман - пенсионер, доживающий свои дни в пансионе, дряхлом, пропитанным ароматом нафталина и старости, как и он сам. Проработав 20 лет в сыскной полиции, он любил рассказывать различные истории из своей богатой жизни. Правда, долгое время никто не хотел выслушивать рассказы старого маразматика. До момента, пока в доме не поселился Роберт. В его лице старый Кирман нашёл благодарного слушателя, с неподдельным интересом ловившем каждое слово.

-Да, господин Кирман.

-Сколько раз тебе говорить - Отто. Просто Отто.

-Да, конечно, простите, гос... Отто.

-Так-то лучше. Опять кошмары?

-Да. - Роберт удручённо опустил голову на грудь.

-Да... Что эта проклятая война сделала с детьми... Вам бы жизни радоваться, простым радостям, любить...

...-Нет, ты всё-таки ответь, ответь мне, ты решил окончательно и бесповоротно? Стремясь погасить бушующее внутри пламя, глубоко затаившись, Эрик выпустил огромное облако дыма.

-Да, чёрт побери, да! И хватит на этом!

-Ах, хватит? Я оставила свою профессию, положила на алтарь нашей семьи своё будущее - а я была лучшей в своём выпуске и профессор Шауберг пророчил мне большую карьеру! Но нет - я пошла на поводу у своих чувств, влюбилась в этого толстого увальня и отдала ему лучшие годы своей жизни! И ради чего? Чтобы не иметь возможности сказать своего слова, когда речь идёт о благополучии нашей семьи?

-Сказала? Всё! А теперь иди! Иними свои бигуди, а то кошке и той страшно становится от таких красот.

-Не трожь Герцога!

-Кому сдалась эта блохастая скотина?

-Мне! И я не позволю тебе пустить нас по миру из-за твоего убогого умишки! Ха! Вы только подумайте - он решил вкладывать деньги в покупку Эйфелевой башни! Кому нужна эта ржавая вешалка?

-Дура! Что ты понимаешь? Это золотое дно! А твои марки - это просто бумага. Как можно вкладывать деньги в то, что клеят на конверты? Они же ничего не стоят! Хоть бы раз послушалась меня - в конце-концов у меня высшее математическое образование.

-Не шибко оно помогло в твоей карьере это образование!

-А чем нам помогло знание того, кто из художников умер от сифилиса, а кто - от белой горячки?!

-У тебя всегда были повадки деревенщины, ничего не смыслящего в искусстве.

-А что ты имеешь против деревни? Крестьяне кормят всех и за это становятся всеобщим посмешищем. Богема... Аристократия... Что бы вы начали делать, если бы однажды не нашли хлеба в булочной? Отправились бы на пленэр бабочек ловить?

Эрик терпеть не мог походы своей жены на эти самые пленэры. Однажды он уже отвадил одного молодца, начавшего было подбивать к его жене клинья. Но она всё ходила и это не могло его не злить...

Роберт закашлял от сгустившегося дыма.

-Прости, сейчас открою форточку. Всё время забываю...

Отто подошёл к столу, перегнулся и, поднатужившись, открыл скрипучее окно. Затем, кряхтя, уселся напротив и заметил лежавшее на столе письмо.

-О, тебе кто-то написал? Бывшие сослуживцы?

-Нет, старая знакомая.

-О...

-Нет, вы не так подумали - со смехом сказал Роберт. - Это просто друг. Когда-то в детстве мы часто общались и я читал ей собственные сказки.

-Да ты у нас ещё и писатель! Не знал.

-Да нет, что вы, это так, баловство - не более.

-Ну, кто знает, кто знает. Быть может, у тебя есть талант? Ты не пробовал писать, публиковаться?

-Что вы, Отто, куда там...

-Не скажи, дружок. Не весь же век тебе письма разносить, да мусор из лавки выносить... Может, и выйдет что. Есть у меня знакомый, в редакции газеты работает. Не так, чтобы прям миллионные тиражи, но на первый раз сойдёт.

-Да нет же, право, вы зря беспокоитесь, уверяю...

-Ииии не спорь даже. Считай, это дело решённое. С тебя рукопись. Тебе бы развеяться, на природу съездить. Вдали от городской суеты. А что, может, съездишь к старому другу?

-Собственно, она просит в письме приехать к ней...

-Ну, вот! А ты чего? Думаешь ещё? Так, собирай чемодан, что время зря терять?

-Да вы же не знаете...

-И знать не хочу. Бери вещи и подальше от этой клоаки - к вольготным полям, живописным раздольям, изумрудной зелени и сапфирной синеве.

-Но работа - вы же знаете, как мне нужны деньги, а главное - зачем.

-Сынок, поверь мне - тот, кто гонится за деньгами, никогда их не находит. Хотя я и не читал ни разу твоих сказок, но я чувствую и верю, что твоё будущее вовсе не здесь. Беги, пока молод, меняй и меняйся, не тони в болоте обыденности и рутины. Ты найдёшь деньги - просто перестань их искать. Да и искал ты совсем не в тех местах - много ли заработаешь, собирая медные гроши?

Старик, сморщась, затуманенным взглядом посмотрел на улицу. А там, за окном, чернила ночи медленно выгорали под лучами воскресшего солнца. Тьма отступала нехотя, неповоротливо, с условиями и оговорками, расставляя своих соглядатаев и шпионов за стволами деревьев и стенами домов. Новый день, как новая надежда, проскальзывал сквозь щели улиц, наполняя их светом надежды и новых сил.

-И не спорь - отрезал старик.

-Сдаюсь, - со смехом ответил Роберт.

-Ну, вот, то-то же. А сразу так не мог? Заставил старика встать, сна лишил - никакого уважения к старости... - кряхча по-стариковски, проворчал Отто, шаркая сбитыми тапочками и кутаясь в халат от рассветного озноба.

Роберт заботливо закрыл за стариком дверь и прошёл в свою комнату. Он вновь подошёл к письменному столу, взглянул на собранные деньги, поставил слева письмо, окинул взглядом картину хаоса и наложил на всю инсталляцию разговор на кухне, где среди прочего ярче всего высвечивались, вспыхивали, как сигнальные огни слова “меняй и меняйся”. Что может быть благороднее этих двух слов? Только ли величайший гений способен направить помыслы всего человечества по новому, лучшему пути? Роберт - всего лишь одна из миллионов нитей, вплетённых в полотно нашей судьбы. Казалось бы - что тут такого? Но лишись хоть одной нити и симметрия рисунка теряется безвозвратно, исчезает красота, эстетика, и даже прочность - ведь рвётся там, где тоньше всего. Улыбка, скользнувшая по лицу, отбросила последние сомнения и он принялся с энтузиазмом собираться в дорогу. И хоть путь предстоял не близкий, сами сборы не заняли более четверти часа - у бедности есть немало преимуществ, главное, научиться их видеть.

В саквояж легли две пары брюк, три рубашки, жилет, скромный бритвенный набор, состоявший из ветхой бритвы и облупившегося помазка, несколько писем, карандаши. Осмотрев полку шкафа, Роберт увидел промасленный бумажный пакет. Воспоминания нахлынули внезапно и сокрушительно. В ушах стоял свист пуль, глухой стук прикладов, рокот рвущихся снарядов, стоны умирающих... Как и всякому офицеру, Роберту был выдано на хранение его табельное оружие - Люгер-Парабеллум. Он хранил его - этот источник воспоминаний, родник боли и ужаса, не в состоянии объяснить себе до конца - почему. Он взял свёрток, раскрыл его, достал машинное масло из верхнего ящика и начал его разбирать. Пальцы сначала отказывались вспоминать, но потом мышечная память взяла верх и вскоре каждая деталь была промаслена и отполирована. Закончив с пистолетом, Роберт умылся, оставил деньги за квартиру и записку о том, что он отъезжает за город на неделю-другую, взял саквояж, окинул взглядом убогую каморку, ставшую прикладным доказательством теории хаоса, и вышел за дверь.

... Дрожащими руками баронесса развернула строгий конверт, один внешний вид которого не сулил ничего хорошего - столько было на нём печатей и гербов.

Набравшись мужества, она дрожащими руками сломала сургучную печать и достала письмо. Пробежавшись глазами по пресным формальностям, баронесса схватилась за сердце, смертельно побледнев. Давние страхи оправдались, а надежды, питаемые детской верой в чудеса, в очередной раз подвели - уведомление налоговой службы было сухим и сдержанным по своему содержанию и ёмким по своей формулировке. Баронесса официально была объявлена банкротом и в случае установленного законом срока обязана была погасить более чем существенную задолженность. В противном случае

собственность переходила государству. Она рухнула в кресло, обречённо скользя взглядом по родовому гнезду, ставшего свидетелем жизни семьи с историей, которой позавидовали бы даже самые именитые фамилии в истории. В 18 веке её прапрапрабабушка даже могла претендовать на монаршую корону. И вот, её потомку грозило разорение и нищета.

-Боже...- слёзы текли по её щекам, спазмы сдавливали каждое слово, ей казалось, что воздух, вместо того, чтобы дать ей вздохнуть, душил её с каждой секундой - Боже, за что ты заставляешь меня пойти на это?...

Город румянился бабьим летом, наливаясь малиновым румянцем рассвета, золоча мостовые и козырьки подъездов. Солнце силилось скрыть под напускным лучезарным весельем грусть и тоску ушедшего лета, роняя изпод тишка слёзы. Роберт любил осень - для него она была зрелой весной, размеренно приходившая на смену слепому буйству лета. Яркость красок сменяется пронзительностью чувств, обретающих глубину взамен поверхностного самвосхваления. Весна - это бросок с высоты в ледяную реку, стремительно уносящую тебя от места прыжка. Осень - это надрыв звенящей души, взгляд, преодолевший горизонт мечты, это апофеоз красоты - обнажающейся и скромной, лишённой крикливости и мишуры.

Пересекая мостовые и аллеи, Роберт шёл навстречу чему-то новому и неизвестному. Неизвестность пугает нас больше всего. Но впервые, за долгие годы он преодолел страх, не дававший покоя и сна. Он знал, что всё будет хорошо, ведь он хотел помочь - искренне, от чистого сердца. Ощущение полноты и достаточности собственных сил, способных преодолеть любое препятствие, кружили голову, как в лёгком хмелю. Он шёл и своей светлой улыбкой освещал улицу там, где не доставало солнце, радуясь, как в детстве новому дню, знакомой улочке и вальяжно пересекающей улицу кошке.

Добравшись до вокзала, он приобрёл билет, занял сидение у окна, пожалел, что не захватил с собой книгу - ведь путь предстоял не близкий. Поместье семейства Хольцман располагалось в глухой, удалённой местности. Добираться туда приходилось из крохотной деревушки на телегах - иного транспорта там просто не было. Красота этих мест была неописуема. Изборождённые каменными морщинами лики гор, струящаяся по вздутым венам седая кровь речных богов, звучащая звёздными ночами эльфийская песнь прорастающей травы, сливаясь с музыкой небесных сфер, погружала даже самую не впечатлительную натуру в священный трепет. Сам особняк являл собой пример классической готики. Однажды здесь даже проходили съёмки одного легендарного фильма, обречённого, как показало будущее, на бессмертие - "Франкенштейн" с легендарным Борисом Карловым. Сегодня блеск былого величия превратился во въевшуюся в потёртые обои пыль, скрипящие половицы, шуршание бегающих по перекрытиям мышей, вечно

протекающие, проржавевшие трубы, но даже эта печаль выглядела внушительно и продолжала нести величие былого блеска.

Поезд мерно покачивало, убаюкивая Роберта колыбелью своих колёс. Ему вспомнилась юность, когда он исколесил за одно лето половину Европы, успев насладиться искрящимся снегом швейцарских Альп и лазурью французского побережья и белоснежной величием античных руин. Вошедший кондуктор неловко закашлялся, сконфуженно потупив взгляд. Роберт встрепенулся и приподнялся в кресле.

-Прошу прощения молодой господин за беспокойство - мне казалось, что я постучал...

-Нет-нет, что вы, всё в порядке.

-Работа, знаете ли. С вашего позволения - позвольте проверить билет.

-Да-да, разумеется - Роберт потянулся к саквою и стал рыться в сумке.

-Знаете, столько лет работаю на поездах, а так и не понял, зачем проверять билеты у людей, уже едущих в вагоне - ведь с перрона в поезд всё равно нельзя зайти, не предъявив их.

-Да, действительно... Да куда же они запропалились...

-Ничего-ничего, не спешите, молодой человек, спешка любому делу не товарищ. Я вот, давеча, тоже на работу спешил, так возьми да и забудь свой обед дома - так и остался голодным - так-то.

-Да нет, вы понимаете, я человек не богатый, а поездов с плацкартом на этой линии, увы, нет...

-Да откуда же здесь плацкартам то взяться - усмехнулся дед - на этой ветке, почитай, кроме курортов да санаториев для богатых ничегошеньки и нет больше. А коли вы, простите, того... в смысле... ну, не богатый, значит, - зачем тогда едете?

-Моя кузина понесла большую утрату - гибель родителей. До войны мы были с ней очень дружны. Она написала мне письмо и попросила приехать, поддержать её в эту трудную минуту

-Грустная история.

-Да, и не говорите... Ааа, вот они - ну, наконец-то! А то я уже волноваться стал.

-Это вы зря - сказал кондуктор, мягко поглаживая бороду. Вот ежели у вас на болезнь срамную подозрения завелись - документики то ваши можно будет на секундочку... ага, вот спасибо - да, так о чём я... да! - тут, как говорится, ещё вчера надо было поторапливаться. А во всех остальных случаях будьте просто повнимательнее. Ну, господин Ирсин, не смею вас больше задерживать. Отдыхайте, наслаждайтесь.

-Покорнейше благодарю.

Внезапно кондуктор сделал полшага вперёд, пристально посмотрел в глаза Роберта. словно желая увидеть в них своё отражение, затем лихо

закрутил седой ус, крякнул, заправски козырнул и, повернувшись на каблуках, вышел из купе.

-Занятный тип - подумал Роберт. -Интересно, что он увидел в моих глазах? Быть может, там звучит одинокое эхо войны? Или что-то ещё - кто знает... Удивительный народ - эти кондуктора. Сюда попадают люди не самого даровитого порядка, я бы даже сказал заурядного толка - да простят меня люди этой профессии. Но с течением времени, школа жизни зачастую делает этих людей вполне себе психологами, чутко различающих самые тонкие, едва заметные ноты человеческой натуры. И для этого им не нужны ни тесты Роршаха, ни диван с подушкой - всего-то пять минут поболтать с глазу на глаз на совсем заурядную тему - и они расскажут о вас больше, чем даже вы можете себе это представить.

Остаток пути Роберт провёл погрузившись глубокий, здоровый сон, который впервые за долгие годы не был потревожен душившими его кошмарами.

Морозный воздух бодрил лучше крепкой чашки кофе, поезд весело играл паром и медленно отчаливал от перрона, покачивая на прощание последним вагоном уж слишком вальяжно.

-Роберт!

Удивлённо повернувшись, он стал оглядываться, кто же его позвал. Здание вокзала, больше напоминавшее каморку гнома, не подавало никаких признаков жизни. Если не считать зрителя - но тот был столь стар и дряхл, сидя в своём кресле что едва различался на фоне скамьи. Его чёрное пальто сливалось со скамьёй и лишь голова предательски выдавала его локацию. С первого взгляда даже могло показаться, будто это какое-то местное привидение.

-Я здесь - со смехом крикнул голос и только теперь Роберт заметил фигуру человека, отделившуюся от дальней стены.

-Простите, что не сразу подошёл - я Ганц. Меня послала тётушка, т.е баронесса Штерн за вами, чтобы я вас встретил и сопровождал в нашу богодельню. Скажу вам сразу у меня есть две пагубные привычки, которые не дают житья ни мне, ни другим. Первое - из моего рта, порой, даже помимо моей воли, сыпятся различного рода остроты и скабрёзности. Не всегда они бывают высшего пошиба, но и попадания в десятку встречаются нередко. Кто-то обижается, кто-то записывает в свою коллекцию, кто-то не обращает

внимания. А бывает и так, что и с кулаками лезут - вы, собственно из какой категории людей будете?

-Я?

-Роберт, не пугайте меня так - ваша прозорливость граничит с ясновидением. Собственно, это моя вторая черта, которая причиняет порой неудобства не только окружающим, но и мне - люблю, знаете ли разговаривать сам с собой, или с предметами разными. Отдаюсь волнам фантазии и те, знаете ли, уносят порой в такие дали - уууу... А могу ведь и про человека что-то говорить. И как назло - он! - возмись и появись, словно я его звал. Услышит, обидится, нагрубит... Но в этот раз я обращал свой вопрос именно к вам.

-Вы знаете, мне как-то трудно ответить. Нет, в целом, я шутки люблю, если вы к этому вели. Или?

-Ммм... Нет-нет, Роберт, вы поняли меня совершенно правильно. Видите ли, для меня юмор - это всё. Самое ценное, что может быть в человеческой натуре - это умение смеяться над самим собой. Сколько бы ошибок, бед и даже войн мы могли бы избежать, если бы люди умели сдерживать свою гордыню. Человек без гордости - всё равно, что оскотинившийся раб. Но её чрезмерность ведёт к бедам и лишениям. Это как использование сидератов в сельском хозяйстве - поле засевают культурой, которая сделает почву богаче и питательнее. Но стоит недоглядеть - и, вместо того, чтобы принести пользу, растение станет паразитом, истощая почву ещё больше.

-Наверное, так оно и есть... Судя по всему, вы долго думали на эту тему.

-Да, было время, знаете ли... Ну, что же это я - прошу, следуйте за мной. Здешние морозы кусачие, а в санях лежит шуба. Прокачу вас по самым живописным местам - ахнете!

-Охотнейше верю. Я люблю природу. Тем более удивительным будет для меня этот контраст - из тёплой осени попасть в снежную зиму. Признаться, я до сих пор не определился, какое время года мне нравится больше всего - осень или зима. Но, должен сказать, что в городе зима - она какая-то... неприятная, что ли... Слякоть мостовых, пачкая белоснежный снег, делает улицы ещё более грязными и от этого становится совсем... то есть...

-Я понял. Да, признаться, и я не особо люблю городскую зиму. Белоснежный покров топчется угольными калошами, оставляя за собой чёрные проймы, а лошади и автомобили превращают улицы в сплошное месиво, отвратное как по виду, так и по запаху. Ну, да не стоит вам мёрзнуть в плаще. Идёмте, идёмте, дорогой Роберт.

-Спасибо, Ганц, вы весьма любезны.

Хрустя недавно выпавшим снегом, молодые люди пересекли небольшой перрон, спустились по лестнице и подошли к роскошным саням,

устланных шерстью овчинной выделки и небрежно распластанными песцовыми шубами, серебристо переливающихся под яркими лучами зимнего солнца. Ганц, шутя и подбадривая попутчика дружескими похлопываниями, усадил не привыкшего к роскоши Роберта в сани, укутал его в шубу, уселся рядом на облучок и, молодецки свистнув, так, что снег с карниза осыпался прямо на голову спящего зрителя, понёсся по извилистой дороге в горы. Горный воздух и тёплая шуба подействовали на продрогшего до костей Роберта лучше снотворного. Стремление полюбоваться красотой раскинувшегося пейзажа придавало сил бороться с усталостью, однако тело, стремясь избавиться от городской усталости и грязи, погружало сознание в объятия Морфея. Так, в полузабытии, Роберт добрался до замка.

-Роберт! Просыпайтесь! - Ганц тормошил его за левое плечо, пытаясь вырвать из крепких объятий сна.

-Ох, кажется, я всё-таки заснул...

-Заснул не то слово - с хохотом ответил Ганц. На большом перевале я боялся,, как бы на нас не накрыло лавиной, - от вашего храпа даже волки подвывали!

-Правда? Прошу меня простить. Право, так неловко...

-Оставьте, Роберт. Так бывает со всеми, кто слишком давно не покидал город. А у вас, наверное, ещё и со сном проблемы?

-Да, есть такое.

-Ну вот, ну вот... А поездка и свежий воздух окончательно лишают всяких сил даже богатырей. Ну, да ничего - переночуете и почувствуете себя словно заново родившимся.

-Да я уже не могу припомнить, когда в последний раз так отсыпался. Я ведь и в поезде немного подремал.

-Здоровее будете. Ну, проходите. Хорошо, что у вас вещей мало, а тот тут намедни приехал один промышленник - я чуть себе спину не надорвал, пока их перетаскивал.

-А где же Лоис?

-В доме... Лежит в постели и никого не хочет видеть. Бедная девочка - такая трагедия. Её глаза не просыхают от слёз. Быть может, вам удастся поднять её настроение, разговорить, хоть как-то вытащить из этого состояния. Ведь так недолго и заболеть.

-Конечно-конечно. Собственно, ради этого я и приехал. Идёмте!

-Не спешите, Роберт...

-Но...

-Я ценю ваше рвение. Но боюсь, что не все будут вам здесь рады, как Лоис и я. Хотя мы с вами и не знакомы, но сразу видно, что у вас - доброе сердце. Увы, здесь собрались не лучшие представители человечества. Та же тётушка, к примеру, жуткая снобка и всё живёт в своих грёзах и облаках, стремясь всякий раз подчеркнуть своё происхождение. Больше всего в жизни она ценит

положение и деньги. Поэтому, прошу вас, Роберт, постарайтесь не обращать внимание на её колкости и двусмысленности, которые она будет вворачивать с милой улыбкой на лице. Для неё вы, уж простите за прямоту моих слов, - как бельмо на глазу.

-Вот как...

-Не расстраивайтесь, прошу вас. Просто старайтесь не обращать на неё внимание. Наша с вами главная задача - помочь бедной девочке в этой беде.

-Да-да, Ганц, вы совершенно правы. Я благодарю вас за ваше дружеское предостережение.

-Да, что вы, какое там предостережение - просто совет. Да и, признаться, всё не так уж и плохо - просто у меня есть дурная привычка сгущать краски и описывать всё преувеличенно. Сама по себе тётушка - божий одуванчик, который и мухи в своей жизни не обидел, просто воспитание и сформировавшийся характер сыграли с ней дурную шутку.

-Я понял, Ганц, я вас понял. Ещё раз спасибо за совет.

Довольно улыбнувшись, Ганц пожал Роберту руку и дружески хлопнул его по плечу.

-Что же мы стоим тут на холоде? Поднимайтесь по лестнице, а я принесу вашу сумку.

-Зачем же, я сам...

-Идите, Роберт и не спорьте. Я вас догоню, я мигом

И не слушая, что он пытался сказать, понёсся к саням. Проводив взглядом фигуру, Роберт заметил, как чья-то тень мелькнула возле ворот. Решив не мешать, он повернулся к особняку и медленно зашагал к главному входу, надеясь, что ему не придётся входить туда одному. Как бы Ганц не успокаивал, ему всё же стало не по себе от того, что там его ждёт - богатеи да аристократы и он - маленький, никому не нужный, убогий в своей бедности и болезни.

После сна от холода не спасала даже надетая шуба. Ледяной ветер проскальзывал сквозь полы и впивался тысячью мелких иголок, заставляя колотиться каждую косточку в теле. Небольшой сад выглядел жутковато - деревья, изогнутые безумными холодами и палящим солнцем, надломлено, словно несчастные узники, изувеченные заплечных дел мастером, чернили слепящую белизну снега своими стволами и опавшими ветками. Да и сам дом напоминал узника, заточённого в тюрьму из неприступных гор, грозно блестящих своими острыми пиками и ледяными вершинами. Завершал невесёлый пейзаж зияющий готический фасад, впивающий остроконечный шпили в сияющее небо. Казалось, что ещё мгновение, и двери этого монстра со зловещим скрипом растворятся сами собой и жестокий призрак растерзает его на месте.

Внезапно Роберт побелел как полотно и чуть было не упал в снег - двери и вправду раскрылись сами, издав зубодробительный скрежет. В образовавшемся проёме появилась бледная рука. Ещё секунду - и он закричал бы от страха.

-Что с вами? Роберт, вам плохо? - Ганц задыхался от бега. В руках он сжимал его рыжий, потёртый, выдавший виды саквояж. Проследив за безумно вращающимися белками Роберта, Ганц уставился на дверь и захохотал во весь голос.

-Держитесь, Роберт. Это и вправду почти что привидение. Его зовут Шпильман - вечный дворецкий этого дома. Этакая развалина в развалине, плоть от плоти, если угодно. Если бы не его беззубость, мог бы запросто играть Носферату в какой-нибудь кинопостановке. А, Шпильман, старина, - согласились бы вы играть в синематографе Носферату?

-Ах, молодой господин, вам бы лишь шутки шутить. Побойтесь неба!

-Что мне его бояться? Оно не каменное, да и падать не собирается.

В этот момент Роберт, попав, в каком смешном виде предстал перед Ганцом, покраснел до корней волос. Поглядев на него, Ганц заботливо взял его под руку и помог доделать путь до двери.

-Не смущайтесь, здесь ничего такого нет. Помню, когда я приехал и впервые увидел этот дом, да ещё и узнал, что буду оставаться здесь всё лето, месяц от кошмаров отделаться не мог.

-Думаю, это было даже не год назад.

-Да, мне было лет одиннадцать.. Гм... То есть...

Не зная, как загладить оплошность, Ганц замялся и никак не мог подобрать нужное слово. На помощь пришёл Шпильман.

-Позвольте помочь, молодой господин.- мягко сказал старый слуга, помогая снять верхнюю одежду

-Да-да, прошу вас.

Сняв тяжёлую шубу Роберт почувствовал лёгкое облегчение - несмотря на размеры в доме было тепло и пот уже ручьями лился по спине. Внутри было чуть милее, чем снаружи - мягкий жёлтый свет от огромной, но одновременно изящной люстры напоминающей экзотический цветок, лился с потолка ровным сиянием, подсвечивая словно изнутри мозаику дубового паркета. На тёмно-зелёных моррисовских обоях разместились, как на ветвях предки этого дома, чьё присутствие порой не в такт перебивал какой-нибудь пейзаж или современность.

-Видите - что я вам говорил? - заговорщицки шептал Ганц. - Напускная помпезность, за которой скрывается убожество и внутренняя слабость. Она не в состоянии признать того, что находится на грани нищеты и всё тщится доказать не другим - себе, что всё совсем наоборот - картины, расставленные не в попад, скрывающие дыры и потёртости.

-Нищеты... Ганц!

-Да, Роберт?

-А кто был тот человек?

-Который?

-Ну, тот, с кем вы разговаривали возле саней.

Он кивнул в сторону дверей словно проводил взглядом фигуру зашедшего человека. Ганц резко обернулся, но, конечно же, никого не увидел - как минимум скрип дверей возвестил бы его о новом постояльце.

Явно нервничая, он сказал:

-Что вы, Роберт, там никого не было. Верно, вам показалось.

-Да? Может быть... - сказал он, по детски озираясь и неуверенно продвигаясь в гостиную, прикасаясь то к картинам, то к атласным занавесям.

На самом деле Ганц разговаривал с кем-то. И если бы Роберт был в тот момент рядом, он услышал бы следующий диалог:

-Ну, здравствуй, Ганц.

-Господи боже, Геллер, что ты тут делаешь?

-Слежу за своим капиталовложением, а ты что подумал?

-Брось это дело, Френк, право слово, брось. Шансов на то, что мне достанется часть наследства ничтожна мала. Но даже если моё имя и промелькнёт в завещании, то сумма будет весьма несущественна.

-Даже несущественная сумма в твоём случае лучше, чем вообще ничего, Ганц. Ведь с каждым днём твой долг растёт. И ты обязан будешь его выплатить - или деньгами, или - тут человек в чёрном пальто мгновенно выхватил из рукава нож и приставил его к горлу.

-Ты же знаешь Его, Ганц. Он не прощает долгов. Моли бога за то, что Он тебя уважает - с другими мы разбирались быстрее и проще. Но даже его терпению есть предел. Найди деньги или раскаиваться будет поздно. Ты меня понял?

-Я понял тебя, Френк.

-Вот и умница - жуткий оскал исказил и без того обезображенное шрамом лицо и он зашагал по тропинке к ближайшей скале.

Мягко ступая по лестнице, спустилась баронесса.

-Тётушка! К нам гости. Встречай - это Роберт. Ты помнишь его?

-Ну, конечно, мой милый мальчик. Я помню этого прекрасного юношу. Но прежде позволь извиниться, что заставила тебя так долго мёрзнуть на морозе. Обещаю - все остальные гости придут на автомобилях прямо к нашему крыльцу.

-Что я говорил - заговорщицки прошептал Ганц, делая вид, что поправляет воротник рубашки. -Главное - прошу вас, Роберт, простить её и не обращать внимания на её слова. Ведь, в конце-концов, слова - что мыльные пузыри: отмахнулся и словно и не было их, даже следа не осталось.

-Да-да, не переживайте, Ганц. Я вас понял - также заговорщицки прошептал Роберт. Но в душе у него саднили царапины обиженной кошки - какими бы добрыми мы ни были, унижение всегда затрагивает в душе минорный аккорд.

-Кстати, а доктор Мюрай разве не прибыл?

-Нет,

тётушка.

-Странно. Он совершенно чётко изложил в своей телеграмме, что придёт на этом же поезде, что довёз к нам Роберта. Странно. Что ж, подождём - быть может, ему пришлось покинуть поезд по каким-то делам и он приедет на другом транспорте...

-Как вы добрались, Роберт? - спросила баронесса, сверкая жемчужными зубами и источая море шарма и обаяния. -Вас покормили в поезде? Быть может, вы голодны? Мы собираемся ужинать не ранее десяти вечера. Но если хотите, я отдам распоряжение...

-Не стоит, право...

-Не смущайтесь. Как хозяйка этого дома я окажу вам самый радушный приём.

-Нет-нет, благодарю. Право, я совсем не голоден.

-Хорошо.

-Лучше прикажите постелить. Город утомляет, горы умиротворяют - сказал Ганц.

-Вы хотите спать? Понимаю - в этих вагонах, наверное, жутко неудобно. Признаться, никогда не приходилось ими пользоваться. Расскажите об этом за ужином? Вы ведь спуститесь?

-Вот, видали? Опять она начинает... Крепитесь, прошу вас. Это займёт всего пару дней. Главное - помочь несчастной Лоис. А всё остальное - не наше, правда?

Внезапно остекленевший взгляд Роберта вновь прояснился. Посмотрев на Ганца, он произнёс через секунду

-Да-да, вы совершенно правы. Бедная, бедная Лоис... да, госпожа баронесса, я был бы признателен, если бы мог немного поспать.

-Прошу вас, называйте меня просто фрау Штерн. К чему нам эти условности - заворковала вдова с плохо скрываемым удовольствием от услышанного. - Собственно, ваша комната уже готова. Шпильман проводит вас.

-Это ни к чему. Я сам покажу комнату.

-Как знаешь. Только прошу, не задерживайся - через час должны приехать Хофферы.

-Надеюсь, это последние? - с неудовольствием проворчал он.

-Последние. И, прошу тебя, Ганц, последи за своей речью. Что о тебе могут подумать наши гости?

-Всё, что им вздумается. Меня это мало интересует. Особенно от последних - чёрт бы их побрал - они же как заноза в заднице...

-Ганц! - возмутилась вдова, театрально топнув ногой.

-Всё-всё. Ухожу. Следуйте за мной, Роберт.

-Не забудьте - к ужину я вас жду.

-Непременно.

С этими словами они направились к ближайшему коридору.

Финальным штрихом, завершающим подчёркнуто-пренебрежительное отношение Штерн к Роберту было размещение последнего на первом этаже, где обычно располагались комнаты для прислуг. Сам Роберт, мало осведомлённый о том, как устроены дома богачей, не разобрался в этом и щелчок попал бы мимо цели. Но Ганц чувствовал себя так неловко, так краснел и стеснялся скромной, но вполне приличной, светлой комнаты, что в конце он начал подозревать, что и тут не обошлось без указания на его место. Когда позже он увидел, что всех остальных гостей разместили на верхних этажах, а рядом с ним располагался только слуга Шпильман, картина полностью прояснилась.

Как и сказал Ганц, дом действительно напоминал что-то фантазмагорическое - невпопад стоящие картины, ещё более непонятные, безвкусные статуи, цветы с горшками, намертво прикрученные к полу или стене, наряду с шуршанием в стенах мышей и отклеивающимися обоями выдавали всё убожество этого дома. Оттого Роберт недоумевал - отчего хозяйка этого дома, находясь, по сути, в таком же положении, как и он сам, относится к нему столь высокомерно. Он не понимал, что, глядя на него, она видела в нём своё собственное отражение. Это рождало страх, который она пыталась вытравить всеми доступными ей средствами. А объектом уничтожения страха выступал несчастный Роберт.

Но до этого времени Роберт мирно спал, не подозревая о задуманном. За это время успели подъехать оставшиеся гости - Зауберги и Хофферы. Как бы там ни было, Ганц, конечно, был рад тому, что ехать на станцию больше не пришлось. Однако, он и не подозревал о том, что багажник автомобиля

способен вместить такое количество багажа - всевозможные чемоданы, саквояжи, сумочки, ридикюли - гора перед крыльцом росла, как на дрожжах. Расфуфыренная барышня, бегающая вокруг чемоданов, как курица-наседка вокруг выводка, визгливым фальцетом читала профановскую лекцию о правильной методологии и технических характеристиках переноски поклажи, чем несказанно утомила (а если быть честными - привела в ярость) несчастных Ганца и Шпильмана. Хофферы не были обременены многотонной кладью, однако тот высокомерный пафос, что сквозил в глазах жены Хоффера был столь мерзок, что Ганц едва сдержался от крепкого словца.

Остальные гости приехали ещё накануне вечером и обживали свои покои. Разбредаясь по замку, они периодически сталкивались, порой принимая в вечернем свете друг друга за привидения. Это были картины едва уловимых мгновений, когда за доли секунд мимолётные взгляды, блуждающие с любопытством по стенам, увешанным картинами, с приближением зловещего скрипа прогнувшихся половиц наполнялись суеверным страхом, усиливавшимся с приближением шагов и доводящего до состояния ужаса, а затем виновато-облегчённо падающего в пол или на стены, когда из-за поворота выплывал не окровавленный призрак прошлого, а один из прибывших гостей.

-Однако, этот домик стал бы славной декорацией для какой-нибудь очередной экранизации о призраке Носферату или что-нибудь в этом роде - произнёс Леопольд Зауберг - промышленник, приехавший накануне в поместье, Ганцу.

-Да, этот дом и сам похож на привидение. У многих возникают неприятные ощущения в первые дни пребывания. Но я уверяю вас, что уже завтра этот дом покажется вам наполненным уютом и теплом.

-Только покажется? - успехнулся Леопольд.

-да нет, господин Зауберг, я в том смысле, что...

-Да ладно тебе, расслабься - я пошутил. И зови меня просто Лео, договорились?

-Договорились, Лео - лёгкому на подъём Ганцу было только по душе общение на короткой ноге.

-Вот и славно, Ганц. Как думаешь, есть ли шанс отщипнуть кусочек пожирнее от этого жирного пирога, что вот-вот начнут делить?

-Кто знает - Ганц замялся и даже слегка покраснел. "Ага, значит, и тебе, дружок, нужна звонкая монета. Но боюсь, что мне придётся тебя потеснить в этой толпе" - подумал Лео. - Меня удивило то, что родители Лоис составили завещание - им было всего по сорок с небольшим лет...

-Видимо, что-то предчувствовали - угрюмо процедил Лео. - А, да что там - сегодня всё больше людей думает о будущем. И не только о жизни, но и о

смерти. Да и как о ней не задумываться, если кругом происходят такие войны, когда во всём мире не остаётся клочка земли, где ты мог бы чувствовать себя защищённым.

-Может, вы и правы.

-Ну, да будет. Идём, Ганс, помянем павших и погибших. Я привёз с собой бутылочку изумительного бренди. Разгоним аппетит перед обедом.

-До обеда ещё далековато.

-Да будет тебе. Тоска ж смертная. Ну, не одному же мне, в самом деле, пить? Давай, парень, отметим наше знакомство.

-Ну, так и быть - нехотя выдавил Ганц.

-Вот, другое дело! Вперёд. Найди нам комнату потише, а остальное я организую.

-Что-что, а тихую комнату в этом замке призраков можно и не искать.

В это время Лана Хоффер уже входила во вкус и, окрылённая вдохновением, какое посещает великих поэтов в минуты творения их ярчайших строк, принялась изливать тираду упрёков и унижения. Эринии выстроились в ряд, готовые записаться к ней на подготовительные курсы, фурии благоговейно склонили головы.

-Тебе вечно всего достаточно и хватает. Вот скажи мне, в чём теперь твоя жена должна появляться перед почтенной публикой? Голой?

-Едва ли ты сейчас в неглиже.

-Этим тряпкам место на помойке.

-А по моему очень милые тряпки.

-Ты ещё и смеёшься надо мной?

-Как можно...

-Боже, за что я должна тебя терпеть? Ведь ты же гобсек, душащий на корню мою жизнь. Ни одной лишней тряпки, ни одной марки мимо - всё должно проверяться, всё должно контролироваться.

-Дорогая, если деньги будут идти мимо, то на что ты купишь свои безделушки?

-Есть вещи, которые нужны не потому, что они защищают от дождя или мороза. Они дают человеку статус индивидуальности, неповторимо подчёркивая своими линиями и фактурой необычайный внутренний мир его носителя. А ты и весь твой род были всегда плебеями и вам не понять такие высокие материи.

-Да уж куда уж нам-то - со свиным рылом да в калашный ряд...

-Удивительно, как точно ты сумел подобрать определение своей натуры. Впрочем, что и следовало ожидать - человек из народа всегда будет жить такими вековыми устоями, как пословицы и поговорки.

-Они то тебе чем не угодили? Пословицы и поговорки были сброшены вашим аристократическим братом, как что-то низменное и даже пошлое. Вы взяли

литературу и как начинающий бутчер раскромсали её на три массивных куска - хвостовую часть вы отдали устному народному творчеству, затем, под мясо на рёбрышках у вас пошла поэзия, а мясом для стейка стала проза, где мраморным куском стал роман. Однако, если вникнуть в суть - любое из направлений стремится передать какой-то смысл, идею, суть. Вот и выходит, что для романиста в этом плане требуется 300-400 страниц, поэту - 10-15 строк. А первое место принадлежит пословицам и поговоркам. К тому же это не просто какая-то выдумка - это опыт человечества за многие сотни, а может и тысячи лет, сжатый в короткие по своей формулировке и ёмкие по своему содержанию фразы. Не более одного-двух предложений. Так что же стоит на пьедестале литературы? Народное творчество или твои пьяницы-романисты, изливающие свою никчёмность на страницах книг и ввергая в тоску и уныние всех, кто к ним прикасается?

-Да, давай, выступи с лозунгом запретить не только науку, но ещё и литературу, да и всё просвещение. Именно такие, как ты создали тёмную эпоху средневековья. И именно тебя мир должен бояться больше всего, тебя и тебе подобных - ибо вы всё ещё существуете - не смотря на прогресс и достижения всего мира. И вы в состоянии ввергнуть всё обратно в столь дорогое и любимое вами прошлое, отвергая всякое новое веяние.

Эрик хотел было начать разговор о так любимых ею художниках новой волны - модернистах и импрессионистах. Однако вспомнил, что последний подобный диалог закончился для него дикой головной болью и покупкой норковой шубы. Насупившись, он уткнулся в газету и предоставил жене и дальше измываться над ним, его жадностью и его любовью ко всему народному, а стало быть, низменному.

А Роберт поднялся к Лоис. Та лежала на огромной кровати, бледная, с тенями под глазами. Баронесса попросила его повидаться с ней, да он и сам готов был без всяких просьб придти к малютке Лоис.

-Бедняжка так переживает, что совсем перестала есть. Да и спит она, видимо, совсем плохо. Вы уж, Роберт, поговорите с ней. Я выписала ей врача - боже, он стоил целого состояния, но что не сделаешь ради любимой племянницы. Он должен приехать завтра. Но до этого времени, прошу вас, поговорите с ней. Быть может, вам удастся что-либо сделать.

-Непременно, госпожа Штерн, непременно.

-Благодарю вас.

Её лицо было едва различимо на белоснежной простыне. Черты лица, когда-то мягкие и дышащие жизнью, теперь поблекли и резко выдавались. Глаза - голубые и бездонные океаны, искрящиеся радостью и счастьем, стали безжизненно-кукольными.

-Лоис - окликнул её Роберт. Девочка не пошевелилась

-Лоис, разве ты не узнаёшь меня? Это же я - Роберт. Помнишь?

-Роберт...

Он подошёл к постели и взял девочку за руку. Она была холодная, как лёд.

-Тебе холодно? Хочешь, я попрошу тётушку принести ещё одеяло?

-Нет-нет, всё хорошо. Роберт, это и вправду ты?

-Я, моя дорогая.

-А я думала, что ты мне мерещишься... В последнее время мне часто что-то мерещится...

-Я здесь Лоис. Я приехал. Ты написала в письме.

-В письме? Ах, да... Мне кажется, это было так давно, словно в прошлой жизни...

-Это было всего две недели назад, родная...

Сердце сжималось от чувства страха за бедную девочку, сердце разрывалось от двоякого чувства - с одной стороны хотелось помочь, с другой - не было даже представления, как это сделать.

Наконец, в какой-то момент пелена спала с глаз девушки, смываемой слезами и дрожащим голосом. Повернув голову, она произнесла:

-Роберт...

-Да, Лоис...

-Это ты...

-Ну, конечно, это я.

-Папа... Мама... Они погибли...

-Я знаю, малыш, я знаю...

Уткнувшись в плечо, она беззвучно заплакала - лишь дрожь плечей показывала всю глубину безмерно льющейся боли.

-Плачь, дитя. Позволь боли и отчаянию, что накопились в твоём сердце, покинуть его. Наша жизнь - это лишь мгновение. А мы - сосуды, которые наполняются по мере течения жизни воспоминаниями и событиями. Только ими. И все они - милые и дорогие нашему сердцу. Любовь - великое чувство, ибо позволяет воочию стать свидетелями существования бессмертия. Люди живы до тех пор, пока мы их помним - их улыбки, советы, прикосновения, взгляды. Весёлый, радостный, как первое весеннее тепло - именно таким я запомнил смех твоей мамы. И мудрость советов твоего отца.

С каждым произнесённым словом всхлипы становились тише, дрожь унималась, пока вовсе не исчезла. Душевные раны - это осколки израненного сердца. И лишь слово, чья мягкость проистекает из искренней доброты, способно извлечь осколки, не причинив лишней боли. Было видно, что

девочка находится в плену горьких дум, но также, как зелёный лист под первыми весенними лучами солнца пробивается из набухшей почки, также и душа Лоис, вырвавшись из оков горя, тянулась к светлому дню и продолжению жизни.

Ещё удивительнее, насколько быстро юность способна оправляться от самых сильных и страшных потрясений и испытаний. Истерзанные, стоящие на пороге гибели, через мгновение они, хоть и слабо, но начинают источать светоч живительного тепла, ведущего их к новым подъёмам и падениям, новым поворотам и ударам судьбы, которые они уже воспримут с большей мужественностью и стойкостью, ибо уже прошли через горнило беды и боли, которое хоть и отчасти, но закалило их.

Вот и сейчас, словно по мановению волшебной палочки печаль и боль, преследовавшие Лоис в последние недели таяла, как роса по утру. Конечно, отчасти это было связано и с тем, что сама девочка по натуре своей была человеком, страстно любившем жизнь и как бы разум и душа не цеплялись за печаль и меланхолию, инстинкт её натуры медленно, но верно вытаскивал её из этой страшной трясины, вслед за эмоциями засасывающей и самого человека. Но правда была и в том, что благодаря Роберту девочка пошла на поправку буквально на глазах - сила родства душ способна на невообразимое.

-Роберт - Лоис прижалась щекой к его плечу. - А помнишь, как ты рассказывал мне в детстве сказки?

-Конечно помню, дорогая.

-Они были такие странные. Я потом никогда и нигде их не встречала. Неужели ты сам все их придумывал?

-Признаться, да - сказал он с виноватой улыбкой.

-Я так и знала! Тогда - и её глазки хитро сощурились - ты должен рассказать мне новую сказку.

-Новую?

-Непременно!

-Прошло столько лет - я ничего ведь не писал всё это время. Ни единой строчки. Едва ли у меня получится...

-Ну, Роберт, ну, пожа-а-алуйста...

-Ну, что с тобой поделаешь... ? Но только с одним уговором!

-Каким?

Ты оденешься и спустишься к ужину. Там собралось много гостей. Невежливо оставлять их без внимания.

-Нет, прошу тебя, Роберт, только не это. Зачем я им? Я даже не знаю никого из них!?

-Ну, же, Лоис, не упрямясь. Ну, не ради них - так ради тётушки. Она места себе не находит - всё переживает, волнуется за тебя. Спустись, поздоровайся с гостями и тётушкой, а затем можешь смело возвращаться в свою комнату под предлогом недомогания и слабости. И тогда - обещаю, я расскажу тебе самую красивую сказку на свете.

-Обещаешь?

-Обещаю!

-Хорошо. Тогда и я обещаю, что спущусь к гостям. А теперь - Лоис взгромоздилась на подушки и, подмяв под себя одеяло, села по турецки - я готова тебя слушать.

-Только чур - без обмана.

-Хорошо-хорошо.

-Итак, в одной далёкой стране был город. Он был очень старым. Возможно - самый старый на свете. Говорят, что его стены помнили времена, когда в мире существовала магия. Конечно, мало кто верил в эти сказки. Но была в городе одна достопримечательность, которая ставила в смущение даже умных учёных, носящих, как доказательство, очки и белые халаты. Речь шла о необычном дереве, которое словно заточили в башню. Само по себе оно вызывало восхищение и трепет - колоссальных размеров - почти триста метров в высоту, было оно настолько могучим и крепким, что даже после смерти не рассыпалось в прах. Представь, какова была башня, что заточила его в своём чреве? Поражали не только его размеры - когда его исследовали, выяснили, что оно - словно прародитель чуть ли не всей природы. Его частица была в каждом растении, что произрастали повсюду. Но и башня была не менее занимательна. Она была не только огромна - её стены были испещрены различными фресками и иероглифами. Большая часть из них погибла, рассыпавшись от времени. Некоторые из картин и письма сохранились потому лишь, что были выложены в стене самой башни камнями других цветов. Большая часть текстов так и осталась неизвестная. Удалось расшифровать лишь небольшой кусочек, который оказался пророчеством. Вот, что в нём говорилось: "Лишь тот, кому суждено потерять всё, обретёт весь мир. Этот день настанет, когда кровавые слёзы Селины вдохнут новую жизнь и Древо вернётся вновь".

Учёные сказали, что, по всей видимости, в далёкие времена это был колоссальный храм, центр давно забытой фитолатрии - религии, где центром была природа, а не боги человеческого обличия. Это корысть и покорение природы заставили человека поверить в то, что он и есть бог, раз может видоизменять мир по своему желанию. Подмена бога вызвала крушение гармонии, но это - уже совсем другая история.

А в нашей реальности мир жил с ожиданием чуда. И вот, однажды, учёные мужи сказали о том, что ожидается великое противостояние Луны, которая окрасится в красный цвет. В это мгновение все вспомнили о предсказании. И стали ожидать магии и чудес. Кто-то - с нетерпением и воодушевлением, кто-то - со страхом. Кто-то видел в грядущем перемены к лучшему, кому-то мерещился конец света. Толпы зевак заполнили улицы города, толпами стекающихся к знаменитой Башне. Смотрели на фрески, слушали рассказы местных жителей. Были среди них и сами жители города, которые настолько привыкли к своему чуду света, что уже давно не обращали на него никакого внимания. Но всеобщая суматоха и в них пробудила живой интерес к загадке истории.

Среди них были двое неразлучных друзей, друживших ровно столько, сколько они себя помнили. Все удивлялись их дружбе, ибо были они, как огонь и вода. Это был мальчик, которого звали Арио и девушка по имени Сиель. Сиель всегда была живой, общительной, было у неё много друзей и её улыбка озаряла самые мрачные лица, прогоняя печаль и тоску. Арио же по характеру своему был замкнутым и нелюдимым, всегда молчал, сторонясь шумных компаний и толпы. Но тем не менее, что-то роднило две эти столь непохожие души, что-то сближало их вместе настолько, что, спросив у Сиель, кто её самый близкий друг, она не задумываясь ответила бы “Арио”. Арио никто такой вопрос не задал бы, ибо других ребят, с кем он общался, у него не было.

Больше всего на свете они любили гулять по развалинам замка. Конечно, дело это было опасное и страшное, но такие вещи всегда привлекают молодые сердца, заставляя проверять свою храбрость и стойкость духа, укрепляя узы дружбы совместным преодолением препятствий и опасностей. Был в этой башне сторож, который поначалу гонял их, как и свойственно всяким старым сторожам, сморщенным, со странным запахом, согбенным под тяжестью прожитых лет. Как-то раз он их даже поймал и грозился вызвать родителей и полицию. Но то ли улыбка Сиель растопила его старое, чёрствое сердце, то ли юные сорванцы при ближайшем рассмотрении приглянулись старику, но вместо обещанных угроз он напоил их сладким чаем с сушками и отправил домой, наказав всегда к нему приходить и предупреждать, в какой части башни они гуляют. Ибо башня эта была настолько старая и древняя, что постепенно разрушалась и были места, где было опасно для жизни ходить как детям, так и взрослым.

Роберт рассказывал и мысли Лоис постепенно уносились в этот удивительный мир, полный опасных приключений, чистоты, дружбы и магии. Печаль растворялась нехотя, но не могла противостоять свету, пробивающемуся сквозь облака, окутавших молодое сердце.

Их разговор продлился бы, наверное, всю ночь, если бы не баронесса. Тихонечко постучавшись, как это обычно делают, заходя в комнату к тяжело больному человеку, боясь потревожить его, буквально только что забывшегося сном, она обратилась к Роберту.

-Друг мой, ну, как наша Лоис?

-Со мной всё хорошо, тётя

-Ах, так ты не спишь. Я хотела сообщить господину Ирсину, что ужин подан и он может спускаться. Я попросила Шпильмана принести ужин к тебе в комнату, дорогая.

Роберт и Лоис заговорщицки переглянулись.

-Не надо, тётя...

-Родная, послушай, тебе нужно есть. Иначе ты заболеешь. Я, Роберт - все мы переживаем за твоё здоровье. Прошу тебя, девочка моя, не отказывайся.

-Вы меня поняли, тётушка. Я спущусь к ужину в гостиную. Конечно, если вы не против.

Сказать, что эти слова прозвучали шоком - значит, не сказать ничего. Она впервые за все время посмотрела на Роберта с уважением и признательностью. Вместе с тем, от Роберта не ускользнуло, что кроме признательности были ещё зависть и непонимание - почему Лоис не слушала её - свою тётю, почему ей не удалось достичь того, что сделал, по сути, какой-то незнакомец с обочины

-Ну, конечно, девочка моя, я не против. Роберт, я не могу передать вам свою признательность за ваше участие. Право, я даже слегка ревную. На мои уговоры она так и не поддалась.

-Ах, тётушка, вы зря ревнуете. Мы дружим с самого детства и уже тогда Роберт мог уговорить меня сделать то, чего не могли от меня добиться даже родители...

При этих словах девочка осеклась и взгляд её вновь стал тускнеть, словно огарок свечи.

-Ну, же Лоис, твои родители - замечательные люди - Роберт утопил девочку в своих объятиях. - Они живы, пока мы их помним - их лица, голоса, наставления и советы. Вспомни, как ты, прижимаясь к папе, вдыхала его аромат - скажи, разве ты не слышишь его до сих пор?

Лоис кивнула, украдкой утерев всё ещё стекающие по щекам слёзы.

-И разве не было твоим родителям печально и больно видеть твою боль и печаль? Какими грустными были их глаза и голоса. Думаешь, они были бы

рады видеть их сегодня? Радуй, дитя мой, радуй родителей своей улыбкой, своим счастьем, своей добротой. Улыбнись небу и ты увидишь в нём отражение их улыбок, услышишь в шорохе ветра их радость и смех.

На какое-то время комната погрузилась в тишину. Тишина - самая разнообразная на свете вещь. Лишь неискушённому человеку кажется, что она пуста. Она всегда чем-то заполнена - ожиданием, растягивающим время и комнату до бесконечности, запахом слёз, светом улыбок, напряжением, свинцовой тяжестью наваливающейся на грудь. Тишина не может быть пустой, если она заполнена человеком. Но даже после его ухода комната хранит эти неуловимые следы какое-то время.

В кои-то веки помогла баронесса:

-Роберт, я думаю, нам стоит удалиться, чтобы девочка могла переодеться к ужину.

-Да, вы совершенно правы, - спохватился Роберт. - Какой же я осёл. Где мои манеры...

-Ваши манеры всегда при вас, дорогой Роберт - со смехом сказала Лоис. Просто ваша рассеянность дурно на них действует.

-Ваша правда. Рассеянность - это моё наказание. Вот только за что?

-Ах, порой наказания сыпятся на нас просто так. Вот, тётушка тому доказательство.

-О чём ты? - глаза баронессы округлились.

-А разбитая чашка? Или уже забыли? Я всегда буду вам её припоминать!

-Ох, Лоис... Идёмте, Роберт. Видимо, я и вправду зря вызвала доктора, раз она вновь стала язвить. Хотя, может, попросить доктора назначить ей курс витаминов? Пару-тройку уколычиков в день любому пойдут на пользу.

-Молчу, тётя, молчу...

-Вот и славно. Спускайтесь, Роберт. А мне нужно ещё зайти на кухню.

-Хорошо, баронесса.

“Всё таки хорошо, что я приехал. Смог бы помочь этой девочке тот доктор, которого они вызвали из города - ещё неизвестно. Да и что он может сделать? Порошками да пилюлями душу не излечить. Здесь нужно что-то большее. Например, единство душ - маленькое чудо, которое мы можем лицезреть. Один начинает мысль, а другой её уже заканчивает. Один переживает, а второй высказывает эти переживания. Связь, доступная для понимания только тем двоим, в ком она зародилась...”

С этими мыслями он спустился в гостиную, где собрались оставшиеся гости.

-Ааа, а вот и ещё один голодный рот - процедил Зауберг. Он и в трезвом виде не отличался особой любезностью, теперь же и вовсе вёл себя как свинья.

-Простите, это вы ко мне? - спросил недоумевающий Роберт.

-А то к кому же... Тоже, небось мечтаешь отцепить от пирога кусочек пожирнее, а?

-Вы пьяны.

-Да, пьян. И что? Это не даёт мне право говорить то, что я думаю?

-Лео, прошу тебя, успокойся... Господа, это моя вина. Мне нужно было остановить его...

-Не оправдывайся, Ганц! - заревел Зауберг - Плевать на них! На всех! Все кругом циники - такова природа человека. Просто тот, кто перестаёт притворяться, становится тем, на кого показывают пальцем. И пусть показывают. Я вырву все пальцы, тыкающие в мою сторону. Что мне до вашего мнения?

-Роберт, простите. Мне так неловко перед вами. Право, не знаю, что за муха его укусила...

-Всё это глупости, Ганц. Проблема в том, что Лоис сейчас спустится. И если эта пьяная свинья останется за столом...

-Лоис? Вот так дела... Как вам это удалось?

-Не важно, как. Важно, что присутствие Зауберга может свести на нет всё, понимаете?

-Да-да, конечно... Как же его увести?

-К чёррту всё! Ганц! Ганц, давай выпьем! - орал Зауберг.

-Кажется, он сам решил нам помочь...

-Ганц! Где ты, лейтенантская морда...

-Я здесь, мой капитан!

-Куда ты пропал? А, впрочем, не важно. Выпьем!

-Непременно. Но что делать двум старым воякам за гражданским столом? Офицерам подобает сидеть в офицерской комнате.

-Чёрт побери, а ты прав! А где наша офицерская комната?

-На втором этаже.

-Тогда вперёд! И захвати эту бутылку. Мадама умудрилась раздобыть в наше время добротный коньяк... Надо будет выяснить адрес её поставщика...

Лео продолжал что-то бурчать, еле волоча ноги по полу. Ганц ловко закинул бутылку в левый карман пиджака и, встретив взгляд баронессы на лестнице, которая, наверное, впервые выражала ему искреннюю, хоть и молчаливую благодарность, поднялся наверх.

-Ах, простите нашего заводчика - его железная воля уступила коньячным парам. Ещё бы - это из моих личных погребов. Этот коньяк ровесник нашего дома. Шпильман, принесите ещё бутылочку - заворковала вдова. Хоть в чём-то её слова действительно соответствовали правде - в подвале дома

располагался погреб, в котором хранились бочки с коньяком. Правда была ещё и в том, что бочки были древние и доля ангела, возрастая с каждым годом, практически истощила запасы - остатков хватило бы на пару бутылок - не более. Приказ наполнить бутылку она отдавала скрепя сердце, но делала это со стоической невозмутимостью.

-Душенька - обратилась она к Фру - вы могли бы утихомирить своего ненаглядного. К тому же столько пить - вредно.

-Да ты что! - запротестовала юная барышня - однажды я попыталась его остановить, так он мне такую затрещину отвесил, что я потом целый месяц вспоминала об этом. Ни-ни-ни - и не уговаривайте. Поверьте, его щас лучше не трогать. Он как выпьет - в буйство впадает.

-Ну, не печальтесь, не печальтесь, дорогая, всё будет хорошо - сказала Штейн, думая о том, с какой же обочины Зауберг подобрал эту невоспитанную профурсетку.

-Однако - подал голос Хоффер - мы собрались здесь не для того, чтобы обсуждать пьяный дебош нувориша, а по совершенно иному поводу, не так ли, мадам?

-Господин Хоффер, я вас прекрасно понимаю. Однако, доктор Мюрай не приехал - он должен был прибыть на том же поезде, что и Роберт. Но там его не оказалось. Я звонила - в конторе сказали, что он выехал. Вся документация находится у него и именно он должен огласить завещание.

-Будем надеяться, что хотя бы завтра он появится. Нет, у вас тут мило и всё такое. Но я не могу надолго покидать своё дело - думаю, вы меня понимаете.

-Прекрасно понимаю, господин Хоффер. Но, боюсь тут я бессильна что-либо сделать - "Что себе позволяет этот надутый индюк? Или он думает, что, если он финансист, то все должны плясать под его дудку?" - негодовала Штейн, обдавая Хоффера морем обаяния.

-Да-да, я понимаю - замялся Хоффер и погрузился в газету, с которой никогда не расставался.

-Я бы хотела обратиться ко всем нашим гостям - моя племянница, Лоис, чьи родители так трагически погибли, приняла их смерть очень близко к сердцу. Бедняжка болела и я даже вызвала доктора к ней. Но сегодня, благодаря стараниям Роберта - взгляды сидящих проследовали за рукой вдовы и остановились на несчастном Роберте, готового провалиться под стол от такого внимания - она наконец-то сегодня вышла из своей комнаты. Поэтому, прошу вас, не упоминайте при ней этой трагедии. Давайте поговорим о чём-то отвлечённом - театре, искусстве. Главное - не касайтесь этой темы и всего, что с ней связано.

-Конечно-конечно - вострепенулась мадам Хоффер - Бедная девочка - в таком нежном возрасте перенести такую потерю... Не переживайте, я знаю подход. Мои племянники и племянницы от меня просто без ума.

Эрик что-то пробубнил, за что тут же получил удар острого локтя своей супруги в ребра - и даже увесистые скопления жира не помогли смогли защитить от пронзившей боли. А сама жена покрылась красными пятнами.

Баронесса бросилась остужать ситуацию:

-Надеюсь на вас, дорогая... Я слышу шаги - это она. Прошу вас, будьте аккуратны и помните...

В этот момент зашуршало платье и на лестнице появилась Лоис. Она была так бледна, что, скорее напоминала привидение. Сочувственные и безразличные взгляды невидимой рукой остановили её на полпути.

-Смелее, девочка моя, не стоит смущаться - здесь все - твои друзья - баронесса подошла к девушке и мягко, но крепко взяла её под руку. Однако лишь после того, как девушка встретилась взглядом с Робером, она решилась сделать следующий шаг. Это не ускользнуло от ничего не упускающей вдовы и в её голове начал зреть план мести.

-Вот, садись рядом со своим ненаглядным Робертом - тётушка заботливо посадила племянницу, понимающе поглядев на зардевшихся молодых людей, и отправилась восседать во главу стола.

-Итак, позвольте, я вас представлю. Справа от меня сидит Эрик Хоффер и Лана Хоффер. Господин Хоффер - приходится нам деверем, однако для меня он стал настоящим членом нашей семьи. Эрик Хоффман - финансист и открыл небольшую фабрику на собственные средства. Его жена, Лана - закончила институт Искусств и является специалистом в ...

-Том, что к искусству не имеет никакого отношения - не утерпев, выпалил Эрик. Жена сверкнула взглядом на мужа, но, сдержавшись, произнесла с натянутой улыбкой:

-Мой муж ценит только классику, отказываясь принимать факт того, что те же Тициан и Эль Греко были такими же революционерами, какими сегодня являются модернисты и импрессионисты. Я обожаю творчество Ван Гога и даже сделала одно открытие...

-Лана, прошу тебя, не смей людей. И с каких пор предположения стали называть открытиями?

Лана вновь медленно начала покрываться пятнами. Вздыхнув про себя, Элизабетт вновь выступила миротворцем:

-Почему вы решили, что нам будет смешно, Эрик? Прошу вас, не думайте о нас хуже, чем мы есть. Лана - обратилась она к госпоже Хоффер с улыбкой,

полной очарования - прошу вас, посвятите нас в своё открытие. Но для начала - позвольте, я представлю оставшихся гостей. В том числе - и отсутствующих.

-Да-да, конечно.

-Итак, господин, который не смог противостоять результатам восточной алхимии - Леопольд фон Зауберг со своей очаровательной супругой Фру. Господин Зауберг является промышленником. У него есть металлургический завод. А Фру..

-Ой, знаете, я ничем особо не занимаюсь. Люблю вечеринки и горные лыжи. Один раз даже Лео смогла перегнуть. Правда, он так и не признался и всё говорил, что специально поддался мне. Но я то знаю - и её курносый носик, вздёрнулся и зашевелился, как у бурундучка.

-О, в таком случае наше поместье как раз для вас. У нас есть лыжи - правда, я не уверена насчёт размера. Но, если захотите покататься - прошу вас, ни в чём себе не отказывайте.

-Правда? О, спасибо.

-Всегда пожалуйста, душечка. Что же... молодой человек, который поспособствовал падению гиганта - это мой племянник - Ганц. Душа компании и никогда не унывающий человек. Пробовал себя в медицине, журналистике, писательском ремесле, однако так до сих пор и не определился со своим призванием. И последний участник нашего вечера - Роберт Ирсин - наш дальний родственник. Его семья до войны часто гостила у нас...

Семья перестала гостить потому, что они тоже погибли. Во время бомбёжки. Штабной офицер по пьяни перепутал квадраты и пострадал район с мирными жителями. Но об этом никому не суждено было узнать. Эльза не хотела лишний раз упоминать о смерти в присутствии Лоис, а потому решила не вспоминать трагические события и перешла сразу к Роберту. Тем более, что ей уже давно хотелось сбить спесь с молодого человека, вообразившего, что он значит для Лоис больше, чем она.

-Сейчас Роберт работает курьером и помощником продавца в бакалейной лавке. Слова были произнесены совершенно без тени иронии или насмешки. Но само представление гостей и та последовательность, которую избрала Эльза, выделили положение Роберта столь ярко, что прибавлять какие-то дополнительные ноты для усиления этого впечатления было бы делом излишним и представило бы картину искусственной.

На самом деле за этим столом никому не было дела до положения Роберта в обществе кроме самого Роберта и Эльзы, стремившейся ещё до его приезда сделать всё, чтобы показать этому синему воротничку его истинное место и сказать тем самым, чтобы он не рассчитывал пожить даже крошками с праздничного пирога, при чьей разделке ему посчастливилось присутствовать. Его удел - давиться слюной. Жестоко, но что поделать - когда предстоит драка за такой куш, забываются самые основы человечности. А куш

предстоял немалый - около десяти миллионов золотых рейхсмарок. При переложении на растущую гиперинфляцию счёт шёл уже на миллиарды.

-Вы забыли мой самый главный талант, тётушка - сказал Ганц, который, как оказывается, стоял последние пятнадцать минут на лестнице и стал свидетелем того, что именно сделала Эльза.

-О, прошу тебя, не заставляй меня краснеть.

Ганц прекрасно знал, как она ненавидела его увлечения азартными играми. Для неё это означало отбрасывание тени на её фамилию и весь род - ведь занятия подобного рода автоматически должны навешивать ярлык шулера на всякого, кто прикасается к картам, бильярдному сукну и прочей мерзости. Однако, ему не хотелось, чтобы тётушка нежилась в отпущенной в адрес несчастного Роберта колкости, а потому продолжил:

-Ах, тётя. Вам не постичь всей красоты и изящества бильярда, который по своей стратегии во многом напоминает шахматные турниры. А в особенности та его разновидность, что называется снукер. А уж о покере и говорить нечего - это не что иное, как умение владеть не просто математикой, но иметь представление о таких высших категориях, как теория вероятности и теория больших чисел.

На лбу баронессы бздулась вена, лицо побагровело и только невероятным усилием воли она сумела сдержать себя от тирады, разлетающейся по дому рыком бешеного зверя. Глубоко вздохнув, она обратилась к Лане Хоффер.

-Душа моя, прошу вас, выступите спасительницей этого вечера и поведайте за этим скромным столом своими мыслями и познакомьте нас с вашим открытием ...

-Ой, что вы, это вовсе не открытие... Это лишь предположение... - сказала она, зардевшись. Эрик усмехнулся.

-Которое мы с удовольствием слушаем, не так ли, друзья?

-Ой, мне всегда было жутко интересно узнавать тайны великих людей - пропищала своим голоском Фру.

-Вот, видите?

-Ну, раз вы настаиваете...

-Настойчива, дорогая моя, настойчиво и затаив дыхание.

Выпрямившись и приняв серьёзный вид, Лана начала небольшую лекцию:

-Как вы все знаете, Ван Гог был очень эксцентричной личностью с очень чуткой и ранимой душой. При этом невероятно одарённым...

С каждым словом Эрик ерзал на стуле так, как если бы ему подсунули угляй под седалище. В какой-то момент он готов был встрять в разговор, но, столкнувшись с ледяным взглядом хозяйки дома, остановился и, поморгав, вновь нырнул в свою газету.

-... только представьте - всего за несколько лет он - человек, не имевший даже начального художественного образования и, по сути, никогда не увлекавшийся живописью, становится человеком, на которого с уважением смотрят самые маститые живописцы того времени. Его самобытность была ярчайшей в то время, да и сегодня притягивает взгляды своим необычным и вместе с тем каким-то естественным магнетизмом. При этом сама его техника была на грани примитивизма. И всё же он восхищал и завораживал. Он был замкнут, стеснителен, нелюдим и отличался буйным нравом. Он хотел создать комунну свободных художников, но его мечтам не суждено было сбыться. Как говорит официальная версия, он покончил жизнь самоубийством... На этих словах Хоффер осеклась и посмотрела виновато на девочку. Тогда как остальные с укоризной сверлили взглядом её саму. В минуту этой неловкой паузы Лоис поняла, что рассказ остановился из-за неё и поспешила исправить ситуацию:

-О, не беспокойтесь обо мне больше, чем стоит и не останавливайте свой рассказ, прошу вас. Моя мама много рассказывала об этом художнике. Он был её любимым художником. И мне хотелось бы побольше о нём узнать.

-О, благодарю - глаза Ланы даже заволокло лёгкой пеленой слёз. -Так вот, Винсент приходил рисовать в поля и частенько брал с собой пистолет, чтобы отгонять надоедливых ворон. Однако, в тот роковой день он выстрелил в себя. Это было тем более удивительно, что лечение доктора Гаше наконец-то дало свои результаты - он был спокоен, улыбался, радовался жизни и строил планы на будущее. Однако, ничего не предвещавший день закончился трагедией. Судебный медэксперт был против слов, которые всем говорил Ван Гог - угол проникновения пули настолько низок, что ствол пистолета должен был находиться почти у самой земли - так, как если бы стрелявший буквально лежал. Винсент утверждал, что он сам выстрелил в себя и просил никого не обвинять и не искать виноватых. Уже сама фраза говорит о том, что он хотел кого-то защитить. А кроме того, эксперт утверждал, что совершить подобный выстрел человеку в самого себя практически невозможно. Но кого стремился защитить Винсент? Некоторые считали, что молодых художников, которые находились в этот момент в той же деревушке и периодически общались с ним. У них порой происходили ссоры. Но ничего серьёзного не было. Однако, с чего ему их защищать? Только потому, что они - молоды и глупы? Этот вопрос не давал мне покоя и я всё перечитывала события далёкой трагедии. И обратила внимание на некоторые детали, оставшиеся без внимания. В

частности, меня привлекла неприметная фигура сына Рене - фермера, в поле которого он рисовал свою последнюю работу. И у которого, кстати, брал пистолет. Его сын был местным дурачком, над которым все потешались. Он привязался к рыжебородому художнику и частенько сопровождал его. Наверное, видел в нём родственную душу - другие дети обращались со взрослым дяденькой, порой, также, как с ним - бросались камнями, смеялись, улюлюкали. Я думаю, что Ван Гог оставил пистолет на чемоданчике с инструментами. Играясь, сын Рене уронил оружие и стал с ним играть, катаясь в траве и представляя, как он охотится. Винсент услышал, как мальчишка подражает выстрелам, вспомнил про пистолет, повернулся, встретился с мальчиком взглядом и тот неожиданно нажал на курок.

-Нажимают на гашетку, дорогая - не выдержал в конце-концов её муж.

-Не важно, на что нажимают. Главное - действие. А оно было плачевным. Думаю, Ван Гог боялся, что люди могут узнать, кто стрелял и набросятся на несчастного юродивого, а потому и старался всем объяснить, что никто не виноват. Думаю, и пистолет не нашли потому, что Винсент сам от него избавился. Закопал или спрятал где-нибудь в поле. Или по дороге. Ведь он не стал идти в дом к тому фермеру, хотя легче и проще было поступить именно так. Он один, пешком, с пулей в животе, под страшной жарой, направился в город. Он потратил слишком много времени и сил. Доктор Гаше, который был военным врачом и насмотрелся в своё время на подобные раны, с первого взгляда понял, что художника не спасти.

-То есть - сказал Роберт - вы хотите сказать, что самоубийство Ван Гога - это...

-Всего лишь несчастный случай. Перст судьбы, оборвавший нить жизни великого гения.

-Простите, у моей жены очень богатая фантазия. Возможно, ей стоило стать писателем, а не искусствоведам.

-Простите и вы, дорогой Эрик - вмешался в разговор Ганц, который не терпел со всем жаром юношеского максимализма несправедливое отношение к людям - но мне кажется, что в детективах нет ничего плохого - это во вторых. А во первых, её идея настолько оригинальна, но, что самое главное - логична, что многое расставляет на свои места. Признаться, и я в студенческие годы увлекался живописью. К этому меня приуныл мой товарищ по колледжу - Анри. "А заодно и к алкоголю и азартным играм" - с содраганием подумала Эльза. - Читал их биографии, в том числе и Ван Гога. И сам не понимал, как человек, который шёл на поправку, решил вдруг свести счёты с жизнью. Лана - Ганц посмотрел на щуплую женщину с нескрываемым восхищением - у нас, к сожалению, нет машины времени. Хотя, быть может, профессор Эйнштейн скоро придумает и её. Но, думаю, если бы у нас была возможность оказаться в те роковые дни, мы бы увидели всё в точности так, как вы это только что описали. Bravo!

-Прямо не светский ужин, а клуб анонимных вангогианцев - фыркнул Эрик. Но на его слова никто не обратил внимания, чем разозлили его окончательно. Схватив бутылку коньяка, заботливо поставленную Шпильманом, он с напускной бравадой начал накачивать себя божественным напитком, однако уже после второй рюмки сделался малиновым, осоловел, но понял, что язык намертво связан гордиевым узлом, а потому вступил в полемику о проблемах экономики с самим собой, отчего периодически тихо побрякивал, соглашаясь с очередным выводом и икая, от посетившей его гениальной мысли, съезжал со стула.

Псевдо идилический вечер со своими миловидными сердцу несуразностями медленно переваливал в завтрашний день. И хоть в наступающую полночь ещё никто не мог догадаться, что же их ждёт, но приближающееся утро готовилось предупредить присутствовавших своим кровавым отсветом о надвигающейся беде.

Гости начали расходиться по комнатам, когда часы начали бить четверть третьего. Ганц вместе со Шпильманом уже в третий раз штурмом брали неподъёмного Хоффмана и пытались преодолеть вираж лестницы, когда баронесса Штерн окликнула его:

-Ганц, прошу тебя, съезди завтра на станцию и посмотри ещё раз, не приехал ли наш любезный доктор Мюрай. Всё же это будет весьма невежливо, если мы заставим его ждать на вокзале.

подавив глухой стон, Ганц сказал:

-А гонять несчастного племянника - это, по вашему, человечно?

-Племянник заслужил - многозначительно-заговорщицки, с нажимом произнесла тётя.

-Вот, кому нужно было вести мирные переговоры - вздохнул Ганц, козырнул и потащил орущего благим матом Хоффера, пытаюсь успокоить одновременно его балговерную, расшаркивающуюся в извинениях за мужа, искренне удивляющуюся его поведению, одновременно пытаюсь сдержать сладкую, вызывающую лёгкую, едва уловимую дрожь от удовольствия, с каким она завтра промоет своему благоверному плешь.

-Роберт, будьте добры, проводите, пожалуйста, Лоис в её комнату.

-Да, кто-то обещал рассказать сказку до конца.

Лоис, девочка моя, я несказанно рада, что ты встала с постели, однако, ты ещё слаба. Тебе нужен сон. Посмотри на часы.

-Ну, пожалуйста, тётушка - молитвенно произнесла девушка.

-Ну, вот что с тебя взять? Ну, пол часа - не больше. Договорились?

-Договорились! - воскликнула она, пробежала через залу и расцеловала тёту.

-Ну-ну, будет тебе. Знаешь ведь, что я не могу тебе отказать и пользуешься этим. Всё, беги. У тебя осталось двадцать девять минут.

-Ой - только и вырвалось из её уст. Подбежав к Роберту, она помчалась с ним к лестнице. Затем, увидев, что проход забаррикадирован, ринулась куда-то в бок.

-Лестница забаррикадирована! Бежим!

-Куда?

-Здесь есть другая лестница. Когда-то она предназначалась для слуг. Здесь, за чуланом. Бежим!

Ворвавшись в пыльный чулан, они прорвались сквозь вековую паутину и, потянув за ветхую верёвку, выдвинули из панели лестницу. Путешествие на второй этаж было опасным - лестница была крутой, ступени прогнили и каждый шаг мог оказаться последним. Но всё закончилось благополучно. Стараниями заботливого Шпильмана стакан тёплого молока и овсяные печенья уже лежали на тумбочке возле кровати.

-Что, даже не переоденешься?

-Конечно нет! Рассказывай!

И Роберт продолжил свой рассказ о душе Великого Древа, решившего вновь пробудить в этом мире магию. Но для того, чтобы сделать это, аватар его души должен был вернуть из забвения великие реки, питавшие его корни. Он отправился на их поиски, движимый единственной мечтой - воскресить ту девочку. Его путь начался с реки забвения. И на ней же он его закончил, встретив её душу. Он вспоминает окончательно, что являлся в этот мир тысячи лет, изучая людей и решая для себя - что ему делать с теми, кто пытался его погубить - переписать ли историю заново или дать им второй шанс. Но, быть может, был и третий путь?

-Лоис? - в дверь вошла баронесса.

-Нууу, тётя...

-Никаких ну. Роберт, в конце-концов, не завтра уезжает. Пообщаетесь ещё.

-Но...

-Никаких “Но” - отрезала она железным голосом.

-Твоя тётя права. Когда позднее время становится ранним - нужно либо идти завтракать, либо всё же идти спать. Спроси себя - ты хочешь идти завтракать?

-Кажется, нет...

-Точно?

-Точно.

-Тогда - спать. До завтра, Лоис.

-До завтра, Роберт. Приятных снов.

-И тебе.

-Ну, вот и чудно - сказала Эльза, вновь уязвлённая тем, что Лоис не послушалась её с первых же слов.

-Спокойной ночи, баронесса.

-Спокойной ночи, господин Ирсин.

Выйдя из комнаты, Роберт медленно зашагал к своей двери, погружённый одновременно в собственную сказку, воспоминания, чувства от проведённого вечера и мысли о своём будущем. Алчно пытаюсь разобраться во всём и сразу, Роберт всё больше вгонял себя в беспокойство. Чувство росло, захватывая и поглощая остальные, пока не столкнулось с тем главным, что породило переполненность переживаниями. Рефлексирующим эпицентром стали колкости со стороны баронессы. Униженный и оскорблённый, он метался между обидой и злобой, ворвавшихся в сердце внезапно и без предупреждения и так и не давшие ему возможность сомкнуть глаз. Рёв метели, внезапно сорвавшейся с кромки гор лишь усиливал его чувства. Лишь под утро, когда первые лучи солнца озарили небосвод и постепенно, мягко стали протекать сквозь окно, ему привиделась улыбка Лоис, медленно проступавшая сквозь холод и сумрак отчаяния и боли, в которой пребывала её душа. Осознание своей пользы ласково остановило бешенно пульсирующий нерв и он, наконец-то, забылся сном.

Утро началось с трагедии. Баронесса встала чуть свет и стала искать своего верного слугу Шпильмана, который должен был к этому времени протопить дом и сделать кое-какие заготовки для завтрака. Однако где бы она его не искала, его нигде не было. В конце-концов её начал одолевает страх, который заставил исследовать самые странные уголки дома, в которых он мог бы оказаться. И этим уголком стала та самая кладовая, через которую Роберт и Лоис поднимались давешним вечером. Своим ором она рахзбудила весь дом. Он лежал назвничь с жутко вывернутой, почти на сто восемьдесят градусов, шеей в паре шагов от лестницы. Первым на крик примчался Ганц. Оглядев картину, он бросился к телефону. Но тот молчал - сказались

последствия ночной бури. Ганц бросился к парадной, схватил пальто и побежал к саням, выкрикивая на ходу:

-Эльза, я отправлюсь на станцию и оповещу полицию через телеграф - видимо, ночная буря опять повредила телефонную линию. Жди меня и скажи, чтобы ничего е трогали!

Он ещё не знал, равно как и все те, кто остался внутри, что полиция уже мчалась к ним - остановить хладнокровного убийцу. Кто знает, как повернулось бы дело, если бы он остался вместе с ними. Как говорится, история не любит сослагательных наклонений.

Эльза ничего не понимала. Рассудок её в какое-то мгновение даже помрачился. Перед её глазами был человек, который видел её рождение, более того - помогал появиться на свет, помогая по мере своих сил прибывшему в их поместье акушеру. Всю свою жизнь он был рядом с ней, словно так и должно было быть всегда. Она никогда не замечала его и воспринимала, как что-то само собой разумеющееся. И вот теперь её тень, её правая рука, её теплая жилетка, в которую она куталась, чтобы отогреть своё сердце от вечной стужи действительности, давая волю чувствам и слезам, лежала без признаков жизни, с дико вытаращенными глазами и выбитыми зубами.

Следом подошли Роберт и Леопольд. Оба, не раз сталкивавшихся с ликом смерти, даже не изменились в лице, молча помогли баронессе подняться с пола.

-Роберт, проводите её в гостиную, я закрою дверь.

-Да, конечно.

-Найдите что-нибудь - коньяк или шартрёз. Пусть прдёт в себя.

-Хорошо.

Какое-то чувство заставило обернуться Роберта и он увидел, как тот что-то искал вокруг тела покойного, буравя взглядом буквально каждую половицу пыльного пола. Словно почувствовав на себе его взгляд, он как ужаленный отпрыгнул к двери и с силой захлопнул её. Всё это продолжалось какие-то секунды. Леопольд медленно повернул голову, готовясь вонзить в недотёпу и ротозея свой хищный взгляд, но ему предстала лишь его спина. "Ладно, чёрт с ним, позже разберусь, что к чему" - процедил он и медленно, отряхивая брюки от пыли, проследовал вслед за ним.

В это время на лестнице показалась Лана Хоффер:

-Боже, что случилось? Эльза - с вами всё в порядке?

-Не трогайте её сейчас - обратился к ней Роберт.

-Господи, да что же случилось? На ней лица нет.

-Дело в том, что... Как бы это... Ну...

-Шпильман мёртв.

-Мёртв? Боже, его что - убили??

-С чего вы вдруг решили, что это убийство? - рявкнул Лео - Все признаки указывают на то, что это несчастный случай - полез на лестницу, старая ступенька подломилась, он упал и свернул себе шею.

-Да, но что он делал на той лестнице, в чулане? - спросил Роберт.

-В чулане есть лестница - недоумевала Лана.

-Представьте себе. Старая лестница, которой уже давно никто не пользовался.

-Как это никто? Я разглядел на полу, в пыли следы чьих-то ног. Стало быть, пользовались сказал Лео, скрестив на груди руки и приняв оборонительную позу.

-Скорее всего это следы моих ног и Лоис - мы вчера вечером пытались подняться наверх, но господин Хоффер в силу своего состояния и габаритов забаррикадировал всё пространство и мы пошли через чулан. И нас, как это ни странно, ступени выдержали.

-Слушайте, господин хороший, что это за намёки? Я появился там ровно вместе с вами!

-Господь с вами, господин Зауберг. Я лишь выражаю вслух свои мысли - и только. А вы изволите почему-то нервничать.

-Я, конечно, многое в жизни повидал, в том числе - и трупы. Но, знаете ли, даже мне трудно сохранять спокойствие, когда знаешь, что находишься в одном доме с трупом, в котором уже начали шевелиться черви.

-Т-т-т - трупы? Че-черви? - едва произнесла Лана и грохнулась в обморок, скатившись по лестнице.

-Господи боже! - воскликнул Зауберг, подбегая к ней - В этом доме что, все должны погибнуть на лестнице? Это что - проклятие какое-то? Эй, дамочка, очнитесь! - воскликнул он, отвесив ей знатную пощёчину.

В этот момент, пыхтя, отдуваясь и постанывая, спускался Эрик Хоффер. Охая и стеная, он проклинал всё на свете, и в первую очередь - самого себя за то, что так напился. Он вообще никогда не умел пить. Тем более крепкие напитки. Но и его эго, раздутое ещё больше, чем он сам, не могло вытерпеть игнорирование со стороны общества. Тем более, когда центром внимания становилась его благоверная. Однако сейчас он был страдальцем, который полностью и всецело зависел в такие минуты от своей жены. Она была его спасительным кругом и ангелом-хранителем. Вместе с тем, остатки алкоголя ещё не до конца успели выветриться из его сознания, а потому, когда он подошёл к лестнице и увидел, как его жене дали такую пощёчину, что эхо прокатилось по всему залу, он негодуя возопил:

-Сволочь! Как ты посмел прикоснуться к моей Лане!

Однако, как только свирепый взгляд Лео упал на его обрюзгшее тело, сознание протрезвело мгновенно, а ум стал прозрачен, как весенний майский воздух после дождя. Лишь тело продолжало не слушаться указаний.

-Ты что-то сказал? - прорычал Зауберг.

-Я... Я... Лишь хотел спросить - что вы делаете с моей супругой... И что вообще тут происходит? Кто кричал?

-Кричала баронесса. В чулане был обнаружен труп дворецкого. По всей видимости, он упал с лестницы и свернул себе шею. Ваша жена услышав всё это, упала в обморок, а я пытаюсь привести её в чувство.

-Труп? Дворецкий? Эрик побледнел ещё сильнее, ноги, и так едва державшие его, подкосились и он сел прямо на лестнице. - А полицию вызвали?

-Ганц отправился на станцию - произнёс Роберт - ночная буря оборвала провода. Он воспользуется тамошним телефоном или телеграфом.

-Роберт! Да не стойте вы просто так! Нам надо как-то привести её в чувство. Не будет же она весь день так лежать!

-Я принесу коньяк. Кажется, там ещё оставалось немного.

-Хорошо. Эрик, мне нужно положить вашу жену на кушетку. Надеюсь, вы не будете возражать? - уже успокаиваясь, произнёс Леопольд.

-Да, если вас не затруднит... - едва промямлил Хоффман.

Зауберг сгрёб в охапку жену Хоффмана и начал осторожно спускаться по лестнице, бросив через плечо - Сами то сможете спуститься? Осторожно положив её на кушетку, Зауберг устало опустил прямо на пол.

-Котик, что-то случилось? Кажется я слышала крики...

-О боже, только не сейчас - обреченно выдохнул Леопольд. - Фру, иди в свою комнату!

Она появилась на лестнице, заставив Хоффмана второй раз упасть на ступени. В этот раз - от её вида - свет утреннего солнца, преломившись через витраж, буквально обнажил её точёную фигуру, едва прикрытую кружевным пеньюаром. Даже стальная воля Зауберга давала трещину в такие моменты.

-Солнышко, у нас тут проблемы. Но я обещаю тебе, что всё улажу в самое ближайшее время. А пока, юдзь добра, не мешай нам - поднимись в свою комнату и дождись меня там.

-Но, пупсик, Фру может проголодаться.

-Я принесу тебе самые сдобные и румяные булочки на свете. Сколько душе угодно.

-И мармелад?

И мармелад.

-Мммм... - мечтательно заломив руки, она прокрутилась на месте, отправила Леопольду воздушный поцелуй и упорхнула наверх.

Из груди Зауберга вырвался вздох облегчения. Но в эту секунду на перилах появилась запрокинутая голова

-Ты ведь удовлетворишь голодную Фру?

Вместо ответа Зауберг хлестнул в её сторону свирепый взгляд. Ойкнув, Фру пустилась наутёк.

-Вам остаётся только завидовать - со вздохом сказал Эрик, хватаясь за перила и спускаясь вниз.

-Скорее мне можно посочувствовать - грустно сказал Леопольд. - Вы не представляете, сколько требуется терпения, чтобы выслушивать её капризы. И ещё больше - денег, чтобы их удовлетворять.

-Бросьте. Вам нравится делать и то и другое.

-С чего вы это взяли?

-Вы до сих пор с ней. И оно понятно - ваша пассия берёт не за счёт своей красоты или грации, которой ей не занимать. Она берёт своим очарованием, детской непринуждённостью, лёгкостью. Она относится к той категории людей, которые смогли сохранить в своей душе ребёнка. Самое парадоксальное в таких людях - совмещать доверчивость, основанную на безоговорочной вере в людей, от которой все мы избавляемся уже годам к 20-25. И способности говорить то, что мы относим к детским истинам - вещам простым и доступным каждому, но остающихся незаметными потому, что мы либо слишком погружены в себя, либо заняты какими-то "насущными" делами. Эти детские истины делают нас светлее и чище. Даже дышать от этого становится легче.

-пожалуй, вы правы - произнёс он, медленно вставая. Оглядевшись, он вновь нахмурился - И всё же, с бабами тяжело - баронесса и жена Хоффмана лежали без чувств. - Вот, что с ними делать?

-Для начала, их нужно привести в чувство.

-Я уже сказал Роберту, чтобы он принёс коньяк. Чёрт возьми, что он так долго возится?

-Я здесь - Роберт прошёл к столу, поставил бутылку, затем направился к буфету и вытащил оттуда четыре бокала. Увидев Хоффмана и его состояние он взял пятый, затем, подумав, спросил - Эрик, вам налить?

-Ох, нет, спасибо. Мне так плохо, что я еле ноги волочу.

-Налейте ему, Роберт. Самое лучшее лекарство сейчас - эта стопка коньяка. Уж поверьте моему опыту.

-Ну, раз вы так говорите - не буду спорить. Хотя мне кажется, что, если я выпью ещё хоть каплю алкоголя, я прям тут на месте и умру.

-Это вам только кажется. На самом деле, не успеете вы закончить последний глоток, как почувствуете, что зелень в глазах исчезает, веки открываются и ощущение существования этого мира вновь вернётся к вам.

-Откуда вы... А впрочем - да, конечно... Ну, не буду спорить - представим, что вы - доктор, который приписывает мне лекарство.

-А вот это правильно.

Роберт вернулся к столу и поставил рюмки на стол вместе с ломтём сыра. Откупорил бутылку, нарезал сыр, поставил всё на середину и разлил коньяк по рюмкам. Протянул одну Хоффману, взял две и подошёл с ними к Заубергу, затем вернулся к столу и взяв ещё две, направился к вдове. Поставив обе возле столика, он принялся похлопывать её по щеке, чтобы та пришла в себя. Зауберг хотел седлать то же самое с Ланой, однако та сама пришла в себя.

-Боже, что случилось?

-Вы упали в обморок. Всё хорошо. Вот, возьмите - он протянул ей рюмку - это взбодрит вас.

-Ой, нет, что вы - я не пью по утрам.

-Берите-берите. И не возражайте. Вам надо придти в себя.

В этот момент она вспомнила всё, что случилось и мелкая дрожь охватила её тело.

-Ну-ну, держите себя в руках. Возьмите. И я заодно с вами - Он взял свою рюмку, чокнулся с Ланой. Затем его взгляд упал на тарелку с сыром. Остановившись, он поднялся и направился к столу. В это время, Лана, смотрела на стакан с коньяком, дрожащий в её руках. Она с детства боялась всякого упоминания о трупах и смерти - когда-то давно она перенесла жуткую трагедию - её брат бросился под колёса поезда. Это был скоростной локомотив, который проносился мимо станции без особого снижения скорости. Удар был настолько силен, что несколько капель крови коснулись её лица, а в голове навсегда сохранился шум разламывающихся костей. Страхи возвращались и накатывались волнами. Чтобы хоть как-то остановить их, она, зажмурившись, сжала рюмку покрепче и выпила содержимое залпом.

-Эрик, а вы что же - спросил Леопольд - Всё ещё сомневаетесь? Вот, возьмите. Этот Дор Блю поможет смягчить крепость коньяка. Держите - он придвинул ему тарелку.

В это время Роберт всё возился с вдовой. "Однако, что-то она долго приходит в себя" - подумал Роберт. В этот момент Эрик наконец-то набрался мужества и залпом выпил коньяк.

-Вот, это по-нашему - засмеялся Леопольд, хлопнув Эрика по плечу. - Но, что же это я от вас отстаю? Но едва он взялся за рюмку, как Лана схватилась за горло. Она упала на кушетку, судорога изломила её тело, на лице застыл непередаваемый ужас, изо рта вместе с хрипом вытекала кровавая пена. В это мгновение то же самое стало происходить и с Эриком.

-Эй-эй, это что за дурные шутки? - возопил Леопольд. Ошарашенно посмотрев вокруг, внезапно он всё понял и повернулся к Роберту.

-Скотина! Это ты всех отравил. Как ты мог!

-Что? - ошалело сказал Роберт.

-Ты! Это ты всё придумал! Я убью тебя!

-Что вы говорите? Да... Да это вы тут всем этот коньяк подпихивали. А сами так и не выпили его!

-Заткнись! Я не выпил его по чистой случайности. А ты специально направился к вдове, чтобы дожидаться, когда все погибнут - глаза Зауберга налились кровью. Разум заволокло красной пеленой и он, с безумным рыком, набросился на Роберта. В это мгновение баронесса пришла в себя. Её взору предстала страшная картина - двое людей, корчась в конвульсиях, издавая предсмертные хрипы, умирали на её глазах. И ещё двое катались по полу, роняя стаканы и тарелки с явным стремлением убить друг друга. "Боже - подумала она - боже, что происходит? Что это? Почему так получилось? Ведь я хотела лишь одного - чтобы этот дом вновь наполнился светом, радостными лицами, чтобы играла музыка и люди, посещая этот дом, возвращаясь к себе, несли с собой эту частичку добра и радости... Неужели желания мои были настолько низки и даже греховны, что всемогущий господь решил покарать меня?". В это мгновение Лана, разодравшая своё горло в кровь, затихла, её глаза, наполненные страхом неотвратимой гибели, остекленели, взор потух и она перестала двигаться. Её муж ещё дёргался от конвульсий, однако, было понятно, что он, по сути, тоже мёртв. Дикий ужас заставил буквально вдавиться баронессу в кушетку. Больше всего на свете она сейчас хотела оказаться маленькой девочкой - той самой Эльзой, с белокурыми волосами, большими бантами и в красивом клетчатом платице с чудным передничком, хотела оказаться в своей детской кроватке, напуганной грозой и страшным кошмаром, чтобы её папа зашёл в комнату, обнял свою Малышку Лизхен своими сильными, добрыми руками, и она, почувствовав его тёплый аромат табака и полыни, перестала плакать и уснула бы вновь на его руках. Однако, реальность была, увы, иной. Один из мужчин схватил валявшуюся на полу бутылку и, разбив о ножку стола, направил острое горлышко в горло своего противника. Извернувшись и подставив под удар правую руку, тот нанёс резкий удар в живот. Осколок бутылки выпал из рук, он подхватил его и

наотмашь полосонул первого по горлу. Хлестнувшая кровь тысячью капель разлетелась по половине комнаты, упав алыми, горячими каплями на лицо баронессе. Она закрыла лицо руками, ногти впились в кожу и нечеловеческий ор вновь прокатился по дому. Рассудок несчастной женщины таял, как роса по утру. Оставшийся в живых мужчина, тяжело дыша, направился к женщине. Едва держа в руках выскальзывающий осколок, он схватил её за волосы и одёрнул руки, желая посмотреть в её глаза.

-Папочка? - произнесла она неестественно-детским голосом - Папочка, это ты? Ты пришёл к своей Лизхен? Папочка, мне страшно. Мне приснился такой страшный сон. Лизхен хочет на ручки, возьми меня на ручки, папочка... Папочка, ну...

Две улыбки озарили трагедию - безумного убийцы, опьянённого запахом крови и безумной женщины, потерявшей от увиденного и пережитого рассудок и не видевшей ничего.

-Свихнулась, что ли?

-Папочка? Лизхен не знает такого слова. Что это за слово? Ты научишь Лизхен писать его?

-Чёрт, сука, и что с тобой делать? А если ты вновь того, а?

-Ой, папа, только не ругай меня, пожалуйста - я опять испачкала руки в варенье. Вот, посмотри - и она протянула ему свои руки, перепачканные кровью.

Убийца расхохотался

-Варенье, говоришь? Ничего, папочка не злится.

-Честно-честно?

-Честно. Иди, умойся, доча.

С радостным улюлюканьем баронесса побежала в ванную.

Убийца поднялся наверх, зашёл в свою комнату, не спеша умылся, переоделся и вытащил из своего багажа свёрток, в котором поблескивал военный штык-нож и пистолет модели Вальтер Парабеллум. Он вставил обойму, взвёл затвор и вышел из комнаты, небрежно хлопнув дверью. В это время соседняя дверь начала открываться дверь и послышался голос Фру:

-Дорогой, это ты?

Раздался выстрел...

... Комиссару Юргену Кристенсену приходилось сталкиваться с убийцами. Но такой изощрённости он не встречал никогда. Спланировав всё

заранее, убийца спокойно отправился на место, хладнокровно готовясь свершить своё черное дело. Более всего его угнетало то, что сам мир решил помочь ему в этом - сильнейший буран привёл к тому, что единственная дорога оказалась под завалом обрушившейся лавины. Пробившись к дому только вечером, они нашли в нём только трупы. Следы убийцы уходили к горе. В деревне он выяснил у местных жителей, что от дома действительно есть несколько путей к соседним деревням. Он вернулся на вокзал и разослал описание убийцы по всем ближайшим станциям. Вскоре ему телеграфировали, что один мужчина, подходивший под описание, сел на северную ветку и направлялся в Аубсбург.

-Всё же, дружок, ты оказался не так уж и умён. С другой стороны, не любопытствуй сосед в твоё отсутствие оставленными бумажками в коробке, тебе бы всё удалось. Подумать только - всё было на виду!

С этими мыслями комиссар нёсся по трассе, заставляя белеть, как полотно, двух дюжих полисменов всякий раз, как вписывался в очередной поворот на серпантине - для того, чтобы опередить поезд, дававший крюк вокруг горы, ему требовалось преодолеть перевал. Конечно, полиция городка тоже была предупреждена, но они могли недооценить всю опасность преступника, а потому он спешил, как только мог. Хотя, стоит признать и то, что комиссар давно мечтал о переводе в центральный округ, где и зарплата побольше, и пенсия получше. Поэтому он и не мог допустить, чтобы задержание преступника, совершившего такое преступление, произвела полиция Аубсбурга.

Когда машина подъехала к вокзалу, поезд как раз приближался к станции. Как и ожидал комиссар, станция находилась в оцеплении. Тощий человек подбежал и подобострастно раскрыл дверь остановившегося автомобиля:

-Комиссар Кристенсен - лейтенант Зеер фон Клаус. Мы подготовились к прибытию вашего опасного преступника.

-Лейтенант - кто так готовится? Вы где учились полицейскому делу - на завалинке в деревне?

Лейтенант оторопел, но ничего не сказал - лишь по привычке втянул голову в плечи, понимая, что сейчас будут мылить шею.

-Чёрт с ним, что вы своих полисменов в гражданское не переодели - но ваше оцепление! Вы думаете, опасный преступник будет сидеть и ждать, когда к нему в купе войдут вооружённые полисмены и даст себя спокойно арестовать? Вы подставляете под пулю как минимум одного из своих подчинённых. Когда всё закончится, я укажу своём рапорте на вашу ошибку. А пока что потрудитесь сделать так, чтобы через пять минут перрон был полон

людьми, а ваши молодцы расположились таким образом, чтобы их не было видно из окон вагона. Хоть это-то вы сможете сделать.

-Да, комиссар, всенепременнейше сделаем-с. Виноват. - только и выпалил Зеер и побежал выполнять распоряжение.

-Вы - обратился он к своим подчинённым - запомните: если вы хотите чего-то в этой жизни добиться, думайте головой. Не полагайтесь на свою голову - поинтересуйтесь у тех, кто на это способен. Так... Мюллер - стоишь на перроне с главной стороны. Описание преступника у вас есть - причтите его внимательно. Кирх - ваша задача смотреть за вагоном с противоположной стороны. Увидете человека, вылезавшего из вагона - стреляйте. Но - он нужен нам живым.

-А вы, комиссар?

-А я пойду в вагон.

-Разве это не опасно?

-Не более, чем купить газету. Я притворюсь обычным пассажиром, который просто оказался рядом с проводником, окрывшим дерь купе. Всё, всем по местам - поезд уже прибывает.

Кристенсен подошёл к оробевшему от всего происходящего начальнику станции, коротко объяснил ему, что нужно делать и тут же потащил за собой.

Шипя парами, поезд наконец-то остановился. Что именно собирался предпринять преступник - сойти ли на этой станции или продолжить свой путь - комиссар не знал. Поэтому Мюллер зорко оглядывал всех, кто выходил из вагонов. Благо, их было немного.

Кристенсен медленно шёл по вагону, крепко сжимая свой табельный пистолет. Начальник поезда, в силу своей тучности, едва двигался в узком коридоре. Комиссар чертыхался про себя - нужно было взять вагоновожатого самого поезда - этот боров мог помешать в случае, если понадобилось бы стрелять. Едва живой, начальник поезда, истекая потом, медленно взялся за дверцу и потянул её.

-Позвольте проверить ваш билетик - только он выговорил, как тут же отпрянул от двери и с криком побежал к двери. Кристенсен влетел в купе и увидел картину: на одном кресле сидел человек с обезображенным лицом, сурово наблюдавшего за всем происходящим. Напротив него лежал труп человека. Кровь залила его одежду и всё сидение.

-Ба, комиссар - произнёс незнакомец.

-Геллер? - комиссар посмотрел на труп. Это было тело Роберта Ирсена. - Твоих рук дело?

-Нет, комиссар. Он умер сам.

-Сам?

-Да. Я уже видел такое. Медленная и страшная смерть от отравления.

-От какого отравления?

-Хлором. Проклятая война продолжает собирать жатву, не смотря на то, что уже прошло пять лет.

-Что ты несёшь? И как ты вообще тут оказался?

Геллер осмотрелся и поморщась, сказал:

-Не место для допроса. Может, перейдём в полицейский участок?

В этот момент ворвался Зеер со своими полицейскими:

-Господин комиссар, вы живы? Там начальник поезда кричал о том, что кого-то убили. В следующее мгновение он повернулся и увидел труп и человека с обезображенным лицом. - Боже - только и произнёс он. При этом было не совсем понятно - слова относились к трупу или сидящему напротив.

-Всё в порядке, лейтенант. Наденьте на этого человека наручники и организуйте мне комнату для допроса в здании вокзала.

-Что, прямо в вокзале?

-Да, чёрт побери - зарычал Кристенсен - Это сложно?

-Нет, что вы. Уже бегу - и так же спешно засеменяю обратно. Затем, словно что-то вспомнив, остановился, как вкопанный, вернулся, вытащил из кармана наручники, надел их на человека в купе и бросился прочь искать комнату. Через несколько минут Кристенсен вместе со своими людьми и тем, кого он назвал Геллером, сидел в кабинете начальника вокзала.

-Я не знаю, кто был этот человек. Но я решил последовать за ним. Ганц - хороший малый...

-Прости, а Ганц - это...

-Парень с простреленной головой. Ты должен был увидеть его перед домом.

-Ага. Да, был такой.

-Хороший малый. Жаль было его - игра вконец заставила его опуститься. Но душа у него чистая. Была... Этот человек, которого вы нашли в купе - выстрелил прямо из дома - не меньше ста шагов, думаю. Не знаю, что случилось бы с Ганцем, не уплати он свой карточный долг - скорее всего его ждала бы та же участь, что постигла и теперь... Я решил, что с его смертью убийца примет и долг Ганца. А потому направился вслед за ним. Дошёл до вокзала, купил билет и сел с ним в одном купе. По дороге у него пошла горлом кровь и он умер. Вот и всё. Много он убил людей?

-Трудно сказать. Похоже, что там были и отравленные тоже. А хозяйка дома сошла с ума. Когда я вызвал экспертную группу, я уже направлялся сюда. думаю, они закончили. После их отчёта станет ясно, что этот парень натворил.

-Интересно, ради чего он всё это устроил?

-Деньги. Деньги толкают людей на самые страшные преступления.

Комиссар курил сигарету и на душе у него было не по себе. Тело погрузили на тележку, накрыли простынёй и выкатили из вагона. Лёгкий ветерок, подув, приподнял покрывало и показал лицо. Проходивший мимо проводник соседнего купе присвистнул, сказав:

-О, старый знакомый.

-Вы знали его - спросил комиссар.

-Нет. Я встретил его несколько дней тому назад - он ехал в деревню, что недалеко отсюда.

-Вы видите такое количество людей каждый день. С чего бы вам запоминать его неприметную внешность - комиссар чуть подался вперёд. Но старый проводник видал в жизни всякое а потому и глазом не моргнул.

-Я, знаете ли, не на одной войне был. Но эта была самая страшная. И могу вам точно сказать, что война уродует не только внешность человека. Оторвало тебе руку или ногу, изувечило ли лицо - не страшно. Жить то можно. А вот, когда калечится душа - тут другое. И война странным образом разделила людей, повидавших смерть воочию, на два лагеря - тех, кто после начинает ценить каждую секунду, каждое мгновение жизни во всех её формах и проявлениях, понимая, насколько это великий дар и на тех, кто начинает ценить только свою жизнь и ради её спасения не остановится ни перед чем - будь то воровство или даже убийство. Хотите - верьте, хотите - нет, господин комиссар, но у таких людей в глазах - Тьма. Она выныривает из лабиринтов проклятой души и на миг озаряет всю сущность этого человека. Вот именно это я в нём и разглядел, когда только встретил его пару дней назад. Но и подумать не мог, что так всё обернётся.

Комиссар посмотрел на него, глубоко затянулся и сказал:

-Можете идти.

-Слушаюсь, господин комиссар.

И, посвистывая, отправился продолжать свою работу.

Через несколько дней благодаря экспертам и более подробному изучению записей, оставшихся от Ирсина, картина стала ясна полностью. Ирсин, получая жалкое жалование, всё же искал возможность излечить себя. Многие врачи говорили ему, что это невозможно. Но одна клиника, реклама которой была повсюду в его комнате, говорила о каком-то революционном методе лечения. Видимо, это и стало мотивом всего. А толчком послужило известие о том, что родители Лоис погибли. Будучи, хоть и дальним, но - родственником семьи, он мог претендовать на наследство. И он начал

действовать. Узнав адрес отправления, он отследил и другие письма, которые писались из злополучного дома. Он выяснил адрес нотариуса, за день до поездки проник в него, пытал и заставил написать его поддельное завещание. Он вспомнил в мельчайших подробностях план дома и местности, расписал движение поездов, рассчитал расстояние от особняка до другой станции, выяснил, сколько человек ещё получили письма и приготовился ждать приглашения. Планы спутал Зауберг - он, как оказалось, стал банкротом, задолжав большую сумму денег сомнительным лицам. Непонятно, как он планировал получить наследство, но эксперты выяснили, что бутылка коньяка была отравлена ядом, следы которого нашли в сумке у Зауберга. Также эксперты установили, что именно Зауберг убил дворецкого - во время непродолжительной борьбы, которую смог оказать старик, под его телом нашли платок с инициалами заводчика. Видимо, Шпильман стал невольным свидетелем того, как Зауберг подсыпал яд в бутылку, за что и поплатился жизнью. Было не совсем понятно, что послужило причиной сумасшествия баронессы, но это уже, по сути, было и не важно. Больше всего было жалко бедную девочку - Роберт хладнокровно перерезал ей горло своим ножом...

... Фру с глухим стуком упала на пол. Даже не посмотрев в сторону трупа, Роберт направился в комнату к Лоис. Он положил пистолет во внутренний карман и проверил нож - тот лежал в правом кармане пиджака. Затем тихо отворил дверь. Девочка, спрятавшись в шкафу, выбежала ему навстречу.

-Роберт! Роберт, мне страшно. Что там случилось? Что это были за выстрелы? - слёзы катились по её бледным щекам.

-Ш-ш-ш, не бойся, Лоис. Это был злой дядя Зауберг. Он хотел всё испортить. Но я его победил.

-Победил? Ты... Это ты сейчас стрелял? Ты застрелил его?

-Нет, что ты. Такие дяденьки, как Зауберг подобны драконам из наших сказок. А драконам всегда отрубают голову.

Лоис в ужасе отшатнулась. Роберт сделал небольшой шаг навстречу и попытался взять её за руку. Она отступила, споткнулась и упала на пол. Притянув её за ноги, он сказал:

-Видишь ли, Лоис, я ведь так и не дорассказал тебе ту сказку вчера. Дело в том, что тот мальчик выбрал уничтожение мира. Для того, чтобы построить новый мир, нам необходимо сломать старый. А в нём есть много чего такого, что нам дорого. Оно несёт в себе светлые воспоминания, улыбки...

Девочка пыталась вырваться, но он крепко держал её. Она начала кричать, но он железными пальцами закрыл ей рот.

... Но что поделать? Нельзя сохранить старое в новом - это старое будет тянуть тебя обратно, вниз, во тьму, на самое дно, пока ты не утонешь

окончательно. Понимаешь меня, Лоис? Ты -единственный лучик света, что был в моей жизни. Но моя жизнь может прерваться. А я хочу жить. Я страстно хочу жить. Хочу видеть голубое небо, ощущать дуновение ветра и капли падающего дождя. Я хочу умереть в старости, а не молодым. Ведь - и он безумно засмеялся - ведь это несправедливо - я же выжил, выжил на этой проклятой войне. Так почему - его взор наполнился пламенем и недвижно уставился на Лоис - почему эта костлявая тварь никак не хочет меня отпустить? Но я не дамся ей - его рука скользнула в карман и медленно вытащила нож - слышишь меня, Лоис? Я не дамся ей! Вспомни - по его щекам покатались слёзы - вспомни, моя дорогая, сколько раз я помогал тебе в детстве. Вот и сейчас я тоже тебе помог - разве нет? Неужели ты не сможешь хоть раз помочь своему Роберту? Ведь я не прошу тебя о многом: мне всего лишь нужна - лезвие ножа коснулось детской шеи - твоя жизнь!

Девочка услышала, как хрустит под нажимом её трахея. почувствовала солёный вкус крови и ощутила, как захлёбывается кровью. А затем тьма навсегда сковала её веки...

... Комиссар чувствовал себя виновником трагедии. Он всё же получил перевод в округ и теперь направлял это дело в архив. И только он один знал, что всей этой трагедии можно было бы избежать если бы он поступил бы так, как обязывал долг: когда сосед Роберта пришёл в полицейский участок, тот был почти пуст. Кристенсен даже не помнил, почему он задержался в тот день. Но когда этот смешной человек в халате появился на пороге его кабинета, он почувствовал, что это его шанс осуществить то, о чём он так давно мечтал - хороша пенсия и перевод в центральный округ. Выслушав рассказ человека, расспросив о самом Роберте, Кристенсен понял, что тот будет действовать незамедлительно. Но не с первого дня. Однако, если бы он дал делу ход прямо сейчас, то никакого бы преступления не произошло. А за предотвращение преступлений наград не дают.

-Так что же мне делать, господин комиссар?

-Увы, дражайший мой, все мы находимся в подчинении "власти стола". Наш участок пуст и никто не может сейчас помочь нам.

-Но...

-Я прекрасно вас понимаю. Да, дело идёт о жизни и смерти. Но я со всем своим двадцатипятилетним опытом работы в полиции говорю вам: для совершения такого потребуется минимум два дня. А завтра, когда вы напишете заявление, мы поймем этого... Как его там...?

-Роберт Ирсин.

-Вот-вот. мы поймем этого Роберта Ирсона уже к полудню. Уверяю вас, тут нет никакой опасности.

-Вы так думаете?

-Уверен. Но я молю вас - будьте в нашем участке с самого открытия. Мы начинаем свою работу с семи утра.

-Непременно, господин комиссар.

Кристенсен заботливо взял его под руку и, провожая к двери, сказал:

-И помните - в ваших руках жизни людей, которые будут спасены. А потому не опаздывайте завтра ни на минуту.

-Да-да, конечно, непременно - неуверенно сказал он и засеменил к выходу.

Комиссар Кристенсен не относился к числу сентиментальных людей. Он чувствовал свою вину, но также понимал и то, что изменить уже ничего не может. А потому душевные терзания были ему не страшны. Единственный вопрос, которым он задавался - что испытывал Ирсин, сидя в купе поезда, полагая, что у него всё получилось и он едет в своё светлое будущее.

... Дрожь не унималась. Он едва удерживал себя в сознании – всё было как в тумане. Путь через горные тропы оказался гораздо сложнее, чем он думал. Но главное – что ему всё удалось. Всё!

-Боже – неслись мысли Роберта – неужели я наконец-то смогу нормально вздохнуть, сняв камень бесконечного страха перед смертью? Я прошёл через ад, но миру этого было мало. Почему среди тех, кто заслуживает гибели я должен был оказаться тем, кто стоит в списке одним из первых?» Он подошёл к кассе, роняя деньги, купил билет и проследовал в своё купе. «Но всё, всё, с этим покончено. Боже, я ведь чуть не лишился рассудка от страха за свою жизнь! Все эти их сочувственные взгляды, их слова – боже, кому они нужны? Кто был тот лжец, что сказал, что слово лечит? Одно и то же лекарство для одного может быть панацеей, для другого – ядом. Они смотрели не меня сверху вниз, с высот своего здоровья, даже не подозревая, даже на малую йоту не имея представления о том, каково это – жить со страхом того, что каждая ночь будет для тебя последней. Однако теперь мы на равных. Теперь я буду смотреть на них сверху, с высот своего положения, о котором они и помыслить не смели!»

В купе вошёл странного рода человек с уродливым лицом в пол лица и занял сиденье напротив. Какой-то странный холодок пробежал по спине. Вначале Роберт подумал было, что смерть опять смотрит на него своим ликом – точнее ликом той смерти, какую он заслужил своими деяниями. Однако, через секунду он отмахнулся от этой глупости, решив, что это всего- навсего отвращение к его виду. «Вот и ты, дружок, будешь завидовать мне – мне, Роберту, человеку, который отныне будет пользоваться только дорогими автомобилями и жить в самых фешенебельных номерах гостиниц – думал он, вежливо, но сдержанно здороваясь с незнакомцем. Тот учтиво поклонился и принялся разглядывать пейзаж за окном.

Поезд слегка качнуло и станция медленно начала уплывать, истончаясь в клубках пара, пока совсем не растаяла. Также и страхи Роберта, вместе с последними днями постепенно таяли и исчезали, словно не было этих зверств и душегубства. Чужая душа потёмки, но едва ли можно предполагать, что некто, с душой убийцы, совершив задуманное, будет об этом долго вспоминать. А уж солдату, видевшему изкорченные от холода и боли трупы своих товарищей, десятками и сотнями усеявших, словно семена смерти, поля сражений, тем более.

-Вы как-то бледны. С вами всё хорошо? – поинтересовался незнакомец.
-Да, всё в порядке. Горная болезнь наверное – сказал Роберт, даже не имея представление о том, что она из себя представляет. Видимо, незнакомец тоже о ней ничего не знал, так как начал утвердительно-понимающе кивать и продолжил любование пейзажем.

Роберт посмотрел за окно – закатный луч взлетел над пиками, озарив янтарным золотом раскинувшуюся у подножия горы равнину с прилипшей к ней маленькой деревушкой. Там, внизу, уже была ночь и в маленьких домиках начали зажигаться огни, словно ночные звёзды. Для Роберта это прозвучало неким предзнаменованием новой, лучшей жизни, окружённой почётом и богатством над той тьмой, в которой он пребывал и которую он покинул.

Внезапно голова закружилась ещё сильнее, грудь сжало так, что дышать стало невозможно. Боль отдавалась в каждой клеточке. Из груди, вместе с кашлем, вырвалась почти чёрная кровь.

«Боже, нет! Не смей! Не смей умирать! Тем более сейчас! Как ты можешь допустить это? Ведь всё, всё получилось, слышишь? Не смей...» Однако, как Роберт не стремился задержать сознание, он постепенно проваливался во тьму. Смерть хоть и запоздала принять в свои объятья старого приятеля, но выполнила свой долг, собрав вместе с ним обильную кровавую жатву.

Человек со шрамом подошёл к Роберту, схватил его за лацканы, потрянул, что было силы и спросил:

-Ради чего вы всё это затеяли? Ради чего столько смертей?

Захлёбываясь кровью, Роберт едва произнёс

-Потому, что я... Хочу... Жить...

Незнакомец швырнул его в кресло и уселся напротив. В тонущем разуме вспыхнуло забытое воспоминание – идёт война, враги пустили газ. Он, юный солдат, мечется, стремясь спасти свою жизнь. Рука тянется к спасительному противогазу, но тот оказывается разорванным. Он почти потерял сознание, упав в воронку от разорвавшегося снаряда. И увидел перед собой какого-то

солдата, который дрожал, как осиновый лист. Но не задыхался, а просто сидел и дрожал. «Жить! Жить! Жить!...» несло в его голове. Он сам толком не помнил, как сорвал с несчастного противогаз, заколов его штык-ножом. Единственное, что он вспоминал после войны – чувство непередаваемой радости после того, как пришёл в себя в военном госпитале. «Жив – несло в его голове – боже, какое счастье, я – жив...».

Афоризмы.

Валентин Дмитриев 2

Без лукавства

Без лукавства
Бледно выглядит начальство.

Бессилие милиции
Бьёт по репутации юстиции.
Бороться с комаром
Бесполезно кнутом.
Виновником всех бед
Всегда являлся высший свет.

Возрождение из пепла
Возможно от людского тепла.

Великие потрясения
Возникают вследствие заблуждения.

В государственной казне
Всегда дыра на дне.

Вольно или невольно
Все врут беспардонно.

Всё до лампочки
Влюблённой парочке.

Все трудности
В результате глупости.

В волчьей стае
Все попугаи.
Вопрос-ответ
Выясняет интеллект.

Возмездие как кара
Возвращается к виновнику кошмара.

Анархия

Анархия-мать порядка-
Апофеоз беспорядка.

Аморальный поступок
Активизирует пустой желудок.

Анархия и головотяпство
Апокалипсис готовят для государства.

Буря в стакане
Бурлит в семейном стане.

Безвольных людей
Беда сбивает скорей.

Боль ветеранов-
Безденежье карманов.

Битва на Калке
Была проиграна в смекалке.

Бульварная пресса
Больше ориентируется на балбеса.

Бог войны
Боится тишины.
Буря в пустыне
Была следствием гордыни.

Благородный металл
Богом для соблазна дан.

Беда демократии-
Болтовня высшей стадии.

Блюстители порядка
Богатеют от беспорядка.

Взбалмошная баба

Взбалмошная баба
Вроде яда.

Героями дня
Граждан делает родня.

Груда камней-
Главное оружие бунтарей.

Голубую муть
Государство выдаёт за суть.

Глупость не в меру
Губит карьеру.

Гордость человека
Гнёт монета.

Глупость, как туман,
Голову толкает в капкан.

Глупость и невежество
Губят человечество.

Глядят туда,
Где выгода всегда.
Гнилой капитализм
Гораздо лучше, чем социализм.

Горе для страны,
Где глупец-глава страны.

Глаз не видит-
Голова не болит.

Два рая
Даётся для самурая.

Незнание-это тьма,
Наша нравственная тюрьма.
Лекарство от страдания-
Любовное свидание.

Мемуары дуры-
Материал для макулатуры.

Мираж коммунизма
Мимо прошёл большевизма.

Место встречи
Меняют речи.

Мораль на пустое брюхо
Мимо пролетает уха.

Милость богов
Мимо проходит бедняков.

Марш-бросок
Мигом сгонит жирок.

Мужа с женой
Мир считает одной сатаной.

Мылить холку
Мудаку без толку.

Неземная любовь
Напоминает тысячу костров.

Достаток в дом

Достаток в дом
Доставляет диплом.

Доильный аппарат
Для народа депутат.

Для волка свобода
Дороже бутерброда.

Дефицит гордости
Доводит до подлости.

Доходное место-
Депутатское кресло.

Дремучую серость
Делает бедность.

Даёт плоть
Для окружающих господь.

Для волчьего билета
Достаточно сомнительного ответа.
До боли знакомая картина-
Деление благ в руках кретина.

Дефицит ума
Доказывает сума.

Для русского трона
Дурак-идеальная персона.

Для банного дня
Дуб и берёза дана.

Другое мировоззрение
Диктует иное измерение.

Достигает цели

Достигает цели
Думающий о деле.

Добрые дела
Долговечнее зла.

Для наведения бардака
Достаточно одного кремлёвского дурака.

Девальвация рубля-
Дело рук Кремля.

Екатерининской показухой
Ежедневно боремся с разрухой.

Животный страх
Живёт в глазах.

Жадину никогда
Жизнь не удовлетворит сполна.

Желание и возможности-
Жизненные две противоположности.

Жертва Везувия
Жизнь продолжает как мумия.
Жилищно-коммунальное хозяйство
Жиреет от нахальства.

Журавли в небесах-
Желанная добыча в мечтах.

Женщин на руках
Женихи носят на словах.

Заглядывание в дверь
Зовётся хобби теперь.

Змея на груди

Змея на груди
Зубы покажет ещё впереди.

Зелёный мир
Землю спасает от озоновых дыр.

Злее волка
Змея только.

Застит наш взор
Загадочный соседский забор.

Значительно худшее
Запоминается лучше.

Заведомый грех
Злится на всех.

Заслуги перед отечеством
Забываются вечером.

Здоровье людей
Зависть губит быстрее.
Завидуют тому,
За кем не угнаться самому.

Закон совести
Здоровее корысти.

Инертное тело
Испортит любое дело.

Ирония судьбы
Избавляет от суеты.

Изо дня в день
Искушает людей лень.

Истинные патриоты

Истинные патриоты
Игнорируют льготы.

Искушения и соблазны
Испытывать все согласны.

Идея добра
Исходит от пера.

Идеи коммунизма
Исчезли от идиотизма.

Извилина в мозгу
Излишней не будет на торгу.

Из окна кабинета
Идеального не найдёшь ответа.

Из гущи масс
Исполины выходят подчас.

Избыток и бедность
Испытывают верность.
Измерителем лиха
Издавна считают психа.

Инструмент дон Жуана
Изнашивается рано.

Интеллект иного
Иногда ниже осла любого.

Информация в газете
Искажает всё на свете.

Исполнители воли-
Идиоты поневоле.

Истинный спаситель Отечества

Истинный спаситель Отечества
Из нижегородского купечества.

Имитирует мясо
Измельчённая соевая масса.

Каждый кулик
Клеймит другой язык.

Комбинация с трёх пальцев
К нам пришла от неандердальцев.

Крокодилы слёзы льют,
Когда безвинного жуют.

Каждая юбилейная дата-
Кормушка для аппарата.

Корень зла
Корчуют дотла.

Коррупцированный аппарат-
Криминалу родной брат.

Картошка без огурца,
Как девица без молодца.
Кодекс морали
Красуется только на бумаге.

Лебединая любовь
Летит мимо индюков.

Любители пожрать
Лезут в депутатскую рать.

Литературная каша-
Лапша наша.

Лиса с волком

Лиса с волком
Ладить не могут толком.

Любовный дурман
Любят, как ладан.

Литературному герою
Легче справиться с бедою.

Лучшие годы
Летят, как листья в дни непогоды.

Лживая идиллия
Лежит в основе изобилия.

Мнение публики
Можно купить за рублики.

Мавзолейный гад-
Музейный экспонат.

Нести свой крест
Нас заставляет божий перст.
На безымянную сопку
Народ протопчет тропку.

На родной сторонке
Нам хорошо и на соломке.

Наглость у нас
Называют счастьем сейчас.

Неуважение других
Начинается с себя самих.

Не видят ничего впереди
Наши кремлёвские вожди.

Контактная информация авторов

<i>Эльдар Саидов</i>	esaidov@gmail.com
<i>Ирина Кузнецова</i>	lrkStorm17@yandex.ru
<i>Мальцева Ирина Александровна</i>	irinamalzeva@mail.ru
<i>Дмитриев Валентин Семенович</i> <i>"Валентин Дмитриев 2"</i>	zaur-mostovoi@yandex.ru
<i>Яценко Екатерина Андреевна</i>	katalina5.05.12@gmail.com
<i>Емельянова Елена</i> <i>Владимировна «Итачичулечка aka</i> <i>Оура»</i>	Hinata_Huga22@mail.ru
<i>Казаков Евгений Николаевич</i>	djonkaz161176@mail.ru
<i>Лариса Дзугутова</i>	lara.dzugutova@yandex.ru

Сборник прозы
«Сокровенные мысли»
Выпуск 3

Все права на произведения принадлежат исключительно их авторам.

Составитель-редактор:
Независимое Издательство «Первая Книга»
Перваякнига.рф